

Муша Леб

Див

16+

Тима Феев

Дис

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Феев Т.

Дис / Т. Феев — «ЛитРес: Самиздат», 2016

ISBN 978-5-532-97244-5

Не всё в этом мире можно увидеть, измерить или определить. Но это вовсе не означает, что таких вещей не существует. Мы не можем видеть, например, дружбу или любовь. Измерить страх или привязанности. Духовный мир почти полностью скрыт от нас, вызывая подчас сомнения в самом факте своего существования. Однако именно об этом невидимом мире духа и идет речь в мистическом романе «Дис», который в совершенно новом свете представляет всё то, о чем мы можем лишь смутно догадываться.

ISBN 978-5-532-97244-5

© Феев Т., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

1. Пустыня	5
2. Крест	9
3. Яма	13
4. Трансцендентность	17
5. Земная жизнь	20
6. Последний день	24
7. Столкновение	28
8. Звезда	32
9. Мертвица	36
10. Объяснение	41
11. Безумец	45
12. Опять на работу?	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Тима Феев

Дис

1. Пустыня

Это была пустыня. Бескрайняя, жаркая. А ночью холодная. Она была такой огромной, что в ней, как казалось, могла уместиться вся Вселенная. Но в ней ничего не было. Ни примечательного, ни даже такого, на чем бы мог хоть как-то задержаться внимательный, живой, осмысленный взор. Пески и барханы, барханы и пески. Жара еще, но только днем. Жара, впрочем, была там, пожалуй, и примечательной. Поскольку казалась совершенно невыносимой. И даже песок, который и без того был очень сильно, страшно истерзан миллионами лет чудовищных перепадов дневных температур, в светлое время суток едва слышно потрескивал и словно бы скрипел. Или даже пищал. Но все же не плавился. Совсем немного не хватало жару, чтобы переплавить этот вечно пересыпающийся, измельченный едва ли не до состояния кукурузной муки кварц, в прозрачное, холодное, плавно изогнутое стекло. Но нет, неожиданно и словно бы нарочно налетел неведомый откуда взявшийся ветер и приносил с собой едва заметную, но уже вовсе никому не нужную прохладу. После чего с почти упрямой настойчивостью сдувал наиболее разогретые слои песка куда-то вглубь, в тень, подальше от нестерпимого жара, где те хотя и немного, но остывали. Впрочем, тени в этой пустыне появлялись лишь ближе к вечеру, когда дневная жара начинала уже слабеть, а местное светило почти вертикально скатывалось за дымчатую, подернутую легкими призрачными миражами линию горизонта. Тогда песчаные барханы, освещенные пылающей звездой лишь только с одной, западной их стороны, становились невероятно похожими на огромные морские валы, застывшие в монументальной неподвижности в абсолютном, хрупком и сдержанно-напряженном молчании.

Легкомысленный ветер, закручиваясь поземными вихрями, сдувал с покатых склонов барханов и с их гребней шелестевший словно сухая осенняя листва песок и распылял его по впадинам. Там песок скапливался небольшими покатыми горками и перемещался к новому бархану или укреплял основу старого. Сами же барханы также едва заметно перемещались, но очень незначительно. Они словно бы целиком, вовсе не меняя своей изначальной формы, переползали со скоростью куда меньшей, чем скорость их же собственных теней, вперед, в сторону и по направлению дуновений ветра. Ветер же, в свою очередь, дул то сильнее, то слабее, а иногда и вовсе менял направление. Все это превращало равномерное, вялое, едва уловимое для глаза движение сыпучего, гладкого песка в совершеннейший хаос. И тем не менее пустыня эта не была уродливо-хаотичной. Но и красивой она тоже не была. Она была словно бы какой-то равнодушной, безразличной ко всему. К тому что было за ней, под ней и перед ней. Вот только что это там было, да и было ли что, кто знает. Впрочем, какого внимательного участия можно ожидать от такого мертвого, пустого, бездушного места. Какого живого сочувствия можно вообще предполагать от неживой природы? Да и к чему. Ведь там ничего не было. А даже если и было что, то уж наверняка бы никто не смог об этом ничего рассказать. Поскольку никто ничего не знал об этом месте, да и не был здесь никогда. Неведомое это было место, таинственное. Чуть загадочное, конечно, но при этом совсем не пугающее.

Наступало утро. И вместе с рассветом начинался новый день. Вот заново принимался дуть едва заметный ветерок, еще прохладный с минувшей ночи, которая, как казалось, всего несколько часов назад совсем его заморозила и уже навсегда. Возвращалось извечное движение песка и его предательские путешествия от бархана к бархану. Свет восходящей звезды озарял поверхность пустыни чуть бледно-розовым. И тогда она, едва ли не в первый и единственный раз за все светлое время суток становилась, пожалуй, чуть менее некрасивой. Но

вскоре и эта розовая дымка бесследно рассеивалась, и в свои полные и нерушимые права снова вступала жара. Свет становился сначала желтоватым, потом, очень ненадолго, фиолетовым, а затем и абсолютно белым. Песок, еще несколько минут назад казавшийся едва ли не уютным и мягко согревающим после свирепо обжигающей своим адским холодом ночи, вновь начинал едва заметно шипеть, а затем, прогревшись уже основательно, и потрескивать. Звук этот разносился над поверхностью пустыни словно шипение не до конца погасшего, залитого водой гигантского костра. Его вполне можно было бы спутать даже с шумом ветра. Но это было, конечно же, не так. Песок осыпался и потрескивал. Потрескивал и от этого осыпался. И над всем этим слабыми, но уже обжигающими дуновениями начинал метаться слегка завывающий порывистый утренний ветер.

Но вот приближался полдень и местное светило, поднявшись почти вертикально над линией горизонта, начинало припекать уже по-настоящему. Песок из туманно-белого становился сначала дымчато-серым, с чуть золотистым отблеском, а затем, будто по чьему-то волшебному мановению, начинал отражать свет, отчего и делался нестерпимо ярким. В это время на пустыню трудно было даже смотреть. Да и невозможно, пожалуй. Едва начавшие свое утреннее переползание барханы теперь застывали полностью без движения, словно бы придавленные тяжелым грузом нестерпимого жара. Песку теперь уже вовсе некуда было деться. Полуденный зной палил и жарил его, раскаляя едва ли не до температуры плавления. Но нет. Опять нет. Песок не плавился. Каким-то непостижимым образом жара не раскаляла его до предела, лишая даже этой, пусть и весьма иллюзорной возможности от нее укрыться. Ведь тогда переплавленный в прозрачное стекло бывший уже песок смог бы куда больше отражать полуденного света. Он не прогревался бы столь сильно и его «участь» не казалась такой безнадежной. Да и то, что находилось под ним, не страдало бы столь жестоко. Вот только что это там было, да и было ли что? Бог ведает.

Жара все сильнее сдавливала поверхность пустыни. Она казалась теперь уже просто невозможной. Она становилась на вид кристально прозрачной, а по действию словно бы каменно-твердой, сжимавшей песок неумолимым, чудовищным прессом. Поэтому даже потоки воздуха, поднимавшиеся с поверхности пустыни, не могли более исказить ее вида своими миражами, поскольку с невероятной скоростью уносились туда, где власть жары не была такой беспредельной. Наверх, подальше от раскаленных барханов. К покою, к прохладе, к сумраку блуждающих теней. Однако, едва достигнув спасительной высоты, воздух начинал там очень быстро остывать, отчего вновь, подчиняясь непреложным законам природы, медленно, плавно, многочисленными изгибающимися потоками соскальзывал назад вниз, к поверхности, попадая в конце концов все в тот же пылающий ад, из которого еще совсем недавно с таким трудом вырвался. Как ни странно, но законы природы не нарушались даже здесь, в этом месте.

Наконец полдень оставался позади и наступало время, когда пламя местного светила начинало постепенно ослабевать. Оно, конечно, все еще оставалось нестерпимо жарким, однако лучи его достигали поверхности пустыни уже под некоторым углом. И хотя от этого было несколько не легче, но тем не менее там, у самой раскаленной добела поверхности начиналось едва заметное, но движение. Первым начинал просыпаться ветер. Он, объединяя незначительные массы воздуха, которые вовремя не успели подняться вверх, отчего и были на несколько часов придавлены нестерпимым жаром, начинал теперь как будто слегка оживать и шевелиться. От этого на поверхности пустыни возникала почти незаметная, едва различимая возня. Слабые движения ветерка, небольшие смерчки и тихие хлопки от столкновений воздушных потоков начинали сдувать песок в разные стороны, а иногда на самом деле отрывать его от склонов барханов. Со временем этот процесс только усиливался. Поэтому по прошествии нескольких часов все эти разросшиеся теперь уже до солидных размеров смерчи, потоки воздуха и порывы ветра сбивали, сдували и взвинчивали вверх уже довольно крупные и объемные массы песка. Пока наконец, уже ближе к вечеру, процесс этот не перерастал в

самую настоящую пустынную бурю. Но вдруг, перед самым закатом, когда местное светило касалось линии горизонта, а еще через несколько минут и вовсе исчезало за ней, все это движение со смерчами и вихрями прекращалось. Ветер, словно бы ударившись о незримую, бесконечно-протяженную вверх и в стороны прозрачную стену стихал, свет мерк, а песок, более уже не поддерживаемый воздушными потоками, просто-таки падал огромными ошметками и целыми ливнями с неба. Становилось темно. И с последним рухнувшим с небесных просторов водопадом песка на пустыню опускалась долгожданная, холодная, темная ночь. Вечеров в этом месте практически не было.

Однако ночь не приносила с собой особого облегчения. Температура воздуха, в точности как и еще несколько минут назад осыпавшийся с неба шумящий песок, падала просто катастрофически. Нуля градусов она достигала примерно через полтора часа после заката, а затем все так и продолжала понижаться. Вот уже и двадцать градусов мороза минуло, и тридцать. А вот уже и все семьдесят. Наконец процесс этот начинал постепенно замедляться и холод более не усиливался. Впрочем и того, что сейчас было, хватало с избытком. Песок остывал очень быстро. Конечно, не так быстро, как воздух, однако это незначительное отставание буквально через пару часов сокращалось до минимума. Поэтому примерно к полуночи в этой пустыне устанавливалась совершенно иная, но также невыносимая температура, – холод. И он был повсеместно.

Даже на глубине нескольких метров он начинал уже ощущаться, хотя и не так, как на поверхности. И тогда из этой сыпучей, темной, пугающей глубины доносился едва заметный то ли стон, то ли вздох облегчения. А может это сам многострадальный песок начинал там как-то перемещаться, подчиняясь непреложным законам природы и динамике разности температур. Но тем не менее, пусть даже и ненадолго, и только здесь, в этой беззвучной, крошечной, сдавливающей темноте все же устанавливалась почти нормальная температура.

Ветер в это время совсем не дул. Лишь только изредка, да и то очень слабо. Этого не хватало даже для того, чтобы сдвинуть с гребней барханов самые малые и легкие толики песка. Поэтому никакого движения ночью в этой пустыне не было. Отчего над ней повисала совершенно немыслимая, почти невозможная, не прерываемая ни единым, даже самым слабым звуком, тишина. Едва ли не благословенная. Звезды светили так, что совершенно ясно освещали гребни барханов. И хотя никакой луны в этом месте не было, но тем не менее ночью здесь все было очень хорошо видно. Удивительные были ночи в этом месте. Холодные, темные, но прекрасные. Песчаный кварц отражал переливчатыми бликами мириады тонких лучей ниспадавшего на него света от далеких звезд. Причем свет этот был нежнейшего, бело-голубого оттенка. Очень красивый. Вот только кто бы мог посмотреть на все это, кто бы мог увидеть эту красоту? Песок от мороза теперь словно бы опять оживал и начинал искриться, поблескивая колотыми гранями своих песчинок. Однако движение это было почти незаметным. И только по легкой световой ряби, которая морозным туманом надвисала над поверхностью пустыни, можно было все это предположить.

Ночь длилась в этом месте очень долго и едва ли не вечно. Но это было лишь одно впечатление. Ночь была не длиннее дня, просто она была холодна, темна и невероятно спокойна. Поэтому очень странным казалось, когда по прошествии всего нескольких часов после полуночи, зыбко и чуть заметно, на востоке начинало как будто бы светать. И хотя это была еще совсем не заря даже и уж тем более не восход звезды, но тем не менее это был уже вполне ясный, прозрачный намек на то, что и бесконечность также имеет свои пределы и что ночь, казавшаяся еще несколько часов назад нескончаемой, тоже заканчивается. И тогда в этой пустыне снова словно бы слышался слабый стон. Далекий, тяжкий, безнадежный. Как вздох ветра или шум пересыпавшегося, шелестевшего подобно сухой осенней листве песка. Он доносился откуда-то издалека, оттуда, из-за линии горизонта, где ничего не было. Да и быть не могло. Никогда.

Бескрайней была эта пустыня, беспредельной. И она была везде и нигде одновременно. И не было у нее ни начала, ни конца.

Странное это было место, таинственное. Но почему-то совсем не пугающее. Почти сверхъестественное. Такое, каким бы только мог его вообразить себе человек. Но вообразив, тут же позабыл бы, утратив его печальный образ где-то в глубинах памяти навсегда. Он позабыл бы даже саму мысль о нем, намеренно укрыв малейшее воспоминание насколько возможно глубоко. Там в неизведанной области своего существа, где не было ни мыслей, ни чувств, ни даже самих воспоминаний. В туманной бесконечности души.

2. Крест

*«ибо, где выросло худшее из всех деревьев – крест,
– в такой земле хвалить нечего!» (Ф. Ницше)*

Это была пустыня. Бескрайняя, жаркая. А ночью холодная. Она была такой огромной, что, как казалось, целого мира мало, чтобы уместить ее в себе. В ней ничего не было. Ни примечательного, ни даже такого, на чем бы мог хоть как-то задержать свой взгляд внимательный, живой, разумный человек. И так было всегда. Долгие годы. Сотни, тысячи лет. Во всяком случае до тех самых пор, пока обыкновенная, ничем не примечательная, тихая безлунная ночь, в очередной раз не сменилась ярко вспыхнувшим красно-оранжевым рассветом. И все в том рассвете было как обычно, как всегда. Почти все. И тем не менее, в пустыне этой появилось тогда нечто, оставшееся будто от самой, той, предшествующей, морозной, темной ночи. Маленький кусочек ее, не канувший с восходом звезды в небытие. Нечто, удержавшееся на поверхности. Холодное, бездушное, черное. словно бы вобравшее в себя все то беспредельное и таинственное, что скрывалось в исчезнувшем ночном полумраке, а также том, давно позабытом первоизданном черном хаосе. Той крошечной мгле, предшествовавшей зарождению самого мира. Когда зыбко и как будто неуверенно начало течь бесконечно-протяженное неумолимое время. Когда часы мира пробили первую секунду его существования, когда свет родился из тьмы, а тьма распалась на мелкие, едва различимые фрагменты, мгновенно выброшенные невероятным взрывом в только что возникшее, расширяющееся трехмерное пространство. Впрочем, та мгла не исчезла тогда совсем. Она словно бы затаилась в молчаливом, холодном, терпеливом ожидании того далекого часа, когда ее сила вновь превзошла бы силу первородной генезисной вспышки. Когда свет, зажатый гравитационным давлением искажился бы, закружился исполинским белым вихрем, после чего был бы навеки поглощен все той же мглой, из цепких объятий которой очень давно, десятки миллиардов лет назад, вырвался.

И это была частица той мглы. Она была даже еще чернее самой той минувшей темной ночи, из цепких объятий которой совсем недавно как будто бы вышла. Вот только откуда она взялась здесь в этой пустыне, трудно было определенно сказать. Так же как нельзя было и установить точное время ее возникновения. Ведь она не отражала свет, а поэтому оставалась совершенно незаметной даже в призрачном сиянии далеких звезд. Однако сейчас, когда взошедшая над горизонтом близкая уже звезда осветила поверхность пустыни своими лучами, она, на фоне розовеющих барханов и нежно-голубого, а местами и ярко-бирюзового чистого неба проявилась очень четко. И это был крест.

Он был большим. Метров десяти в высоту. Поверхности пустыни он не касался, а просто висел в воздухе неподвижно безо всякой опоры. Ни дуновения ветра, ни свет восходящей звезды никак на него не действовали. Он выглядел словно навсегда застывшим не только в пространстве, но и во времени. Не будучи ни в малейшей степени подвластным им. Ничто, очевидно, не могло поколебать строго вертикального его положения, а также замутить идеально-черного цвета его граней. Тонкие, почти с абстрактной точностью выточенные ребра, могли, как казалось, своими ровными прямыми углами резать сталь. Вот только пустым был этот крест. И не было в нем ничего ни живого, ни теплого. Одно небытие. Холодное, лишенное всякого смысла, и куда как не благословенное.

И все же появление этого креста не осталось в пустыне совсем незамеченным. Сразу, едва лишь взошедшая над горизонтом звезда осветила своими лучами это чудовище, как вокруг него и непосредственно под его основанием, стало происходить нечто. Послышались слабые, едва различимые стоны. Тяжкие вздохи и причитания. словно бы это уже сами барханы вдруг и очень робко вознамерились обратиться к кресту. То, что находилось в них самих, очень медленно, почти незримо тянулось вперед, простирая свои невидимые длинные руки как можно

дальше, так, чтобы хоть как-то до него дотронуться. Хотя, это было отчасти и неудивительно. Ведь в этой пустыне как и в любой другой день очень быстро поднималась температура и становилось нестерпимо жарко. Еще несколько часов или даже минут, и песок снова бы начал привычно пищать, шипеть и потрескивать. А рядом с крестом было прохладно или даже совсем холодно. Причем холод этот был настолько сильным, что под самым основанием креста на песчаной поверхности бархана образовался и удерживался самый настоящий искрящийся белый иней. В это трудно было, конечно, поверить, но это было именно так.

Разыгравшийся утренний ветер налетал и насакивал на крест, принося с собой уже довольно сильно разогретые облачка кварцевого песка. Но это не имело ни малейших последствий. Ничто не действовало на крест. Ни ветер, ни свет восходящей звезды, ни даже сам песок, который от столкновения с ним буквально кололся и лопался, разлетаясь мелкой снежной пылью в разные стороны. Слишком уж большим был перепад температур, кварц просто не выдерживал. Стоны и голоса, доносившиеся с разных сторон, тем временем только усиливались. Вот уже действительно, хотя и с определенным трудом, стало возможным различить некоторые слова. То, – это нечто, что, как казалось, еще совсем недавно тянулось к кресту, также стало постепенно обретать вполне определенную, хотя и призрачную форму. Форму человеческих рук. И эти руки тянулись к кресту. Они словно бы гладили его на расстоянии, перевозносили. Но отчего-то не благословляли. Они тянулись к нему так, как будто от этого зависело все, что с ними когда-либо было, есть, и еще будет. Как мог бы только смертельно уставший от долгого, тяжелого перехода путник тянуться к холодному, журчащему, искрящемуся своей живительной влагой и свежестью ручью.

Крест же оставался неподвижным. Эти руки и голоса никак на него не действовали. А ведь они начинали уже почти доставать до него и иногда на самом деле легонечко к нему прикасаться. Однако прикоснувшись, тут же, словно от термического ожога, сначала резко отдергивались назад, но затем снова неумолимо к нему тянулись. Вот уже и головы показались над поверхностью пустыни, и плечи. Вот уже кто-то из этих бесплотных призраков весь, целиком выбрался на поверхность бархана и встал на колени. А затем истово, всем телом и прижался к кресту. И это была женщина.

– Милый мой, любимый, единственный, – были первые ее слова. – Почему я так долго тебя ждала? Ведь я всегда очень сильно любила тебя и знаю кто ты. Ты всегда был со мной. В тихих грезах ночных и фантазиях при свете дня. Ради тебя я здесь. Ради нашей любви, вечной, нерушимой. Я убила своего мужа и тем заслужила проклятие отца. Детей своих оставила умирать голодной смертью. Но теперь я здесь и ты мой. Навеки.

– Дура, тварь, – послышалось с разных сторон, – прочь от него! Ты не одна здесь страдаешь. Мы тоже имеем право. Законное право, мы заслужили его.

После этого еще несколько обнаженных призрачных женских тел поднялись над поверхностью бархана и, кто на карачках, а кто и так, по-пластунски, быстро поползли к кресту.

– Как хорошо! Как же хорошо здесь в этом месте... – они смеялись и плакали. Переворачивались на живот и подпрыгивали, встав на ноги. – Нет большего блаженства, чем вкусить прохладу после стольких лет страшных пыток. Ненавистный песок, будь ты проклят! У нас теперь есть защита от тебя. Своя защита. Он укроет нас. Мы не дадимся тебе больше. И впредь ты уже не властен над нами, гадина.

Женские тела, призрачные и обнаженные, немного утолив свою тягу к прохладе, теперь распростерлись под парящим в воздухе крестом на покрытой инеем поверхности бархана. Они явно наслаждались. Несколько мужских тел, таких же призрачных и полупрозрачных, показались через некоторое время над поверхностью соседнего бархана. Они, очевидно, также хотели подползти к кресту и насладиться его прохладой. Но были тут же забиты и затоптаны, в мгновение ока обратившимися в настоящих фурий, призраками женщин. Когда же жестокая расправа была завершена, счастливые победительницы вновь вернулись на свои места и приняли

прежнее, полное невыразимого и неистового блаженства распростертое положение. Они не собирались никуда уходить с этого места. Они не уступили бы его никому и ни за что. Решив, пожалуй, провести рядом с этим крестом остаток самой вечности. Они теперь разговаривали друг с другом и больше уже не ссорились. Они были счастливы.

Остальные же призраки мужские и женские, которые тоже томились от нестерпимого жара полыхавшей уже полуденным зноем звезды, находились довольно далеко от креста, отчего и не ощутили его присутствия. Видеть же его с большого расстояния да еще и с глубины из-под тяжелого сыпучего песка они просто не могли. И участь их была все так же незавидна.

– Нийя, – обратилась одна из призрачных женщин ко все еще прильнувшей к кресту девушке, – вот ты много чего сделала в миру, когда жива была. И мне даже неинтересно зачем. Но мне все же любопытно узнать, как ты поняла, что это именно он, твой милый и единственный. Когда ты впервые увидела его?

– Я увидела его перед алтарем, когда выходила замуж. Он стоял прямо передо мной, то есть, между мной и тем другим... моим мужем. И когда я надевала обручальное кольцо на тот жирный его палец, то надевала это кольцо своему любимому. И целовала я его, и в верности клялась ему же. Поэтому я никаких клятв не нарушала. И я до сих пор не понимаю, зачем я здесь, – она с удивлением посмотрела по сторонам.

– Но ведь мужа-то своего ты же не просто так не любила, ты еще и убила его. Как это, по-твоему, хороший поступок?

– Нет, конечно, – ответила девушка тихо, – но ведь он хотел близости со мной. А я принадлежала только моему любимому. Что мне оставалось делать? Да и отец мой, как оказалось, тогда обо всем узнал и проклял меня. А дети... Ну, они не были моими. То есть не теми, желанными, каких я хотела. Они были от того скота, который называл меня своей женой. Но я никогда не была женой ему и никогда его не любила.

– Понятно, – ответила призрачная женщина спокойно. – После чего зевнула и перевернулась на другой бок. – Но хорошо же, – продолжила она, – вот ты сейчас говоришь – «любимый». А ты хотя бы знаешь его имя?

– Нет, – чуть даже всхлипнув, ответила девушка. – Раньше я знала его, но потом отчего-то забыла. Я все помню, а вот этого нет. Это все проклятые пески! Они отнимают мою память, специально. – Тут она ненадолго отвернулась от креста, и что было сил топнула своей маленькой изящной ножкой по поверхности бархана. – Но ведь это все равно, не так ли? – она вновь обратилась к кресту. – Ты все равно помнишь меня и узнал? Я вот тебя узнала. И хотя ты сейчас в таком, – она чуть отстранилась назад и окинула крест несколько удивленным взглядом, – образе, но я все равно узнаю тебя. И вижу, как прежде. Таким, каким ты был на нашей с тобой свадьбе. И я всегда тебя узнаю и везде, даже с закрытыми глазами.

– Идиотка, – зашептались другие женские призраки между собой, – она всегда была чокнутой. – Даже имени его не знает, а все туда же, в невесты. – Тут они, даже не договариваясь, все разом накинулись на девушку, оторвали ее от креста и с диким хохотом швырнули подальше в раскаленный и шипящий песок пустыни.

То, что произошло потом, довольно трудно описать нормальным языком обычной человеческой речи. Однако, если опустить подробности, – то в мгновение ока эти женские призраки были ну просто-таки разорваны на части осатаневшей до беспредельного безумия девушкой. Она била их и рвала ногтями, грызла зубами. Терзала с силой непостижимой. Словно бы не то, чтобы она сама в ту минуту сошла с ума, а еще несколько таких же буйных, впавших в неистовый маниакальный припадок безумцев, оказывали ей помощь. Со стороны вся эта молниеносная схватка вполне напоминала драку диких кошек. Вот только последствия ее были куда более ужасными. Разорванные на части женские призраки не могли более существовать в виде цельных, хотя и бесплотных субстанций, отчего, обратившись в некую полупрозрачную, такую же как и они сами, вязкую жидкость, плавно стекли на покрытый инеем песок пустыни.

Девушка же, не обращая ни малейшего внимания ни на душераздирающие вопли своих подруг, ни на сами последствия своего бешеного припадка, вновь прильнула к кресту. Да так и застыла у него в абсолютной неподвижности. Она была счастлива.

День тем временем постепенно заканчивался и приближалась ночь. Местное светило быстро и как всегда почти вертикально скатилось за зыбкую, подернутую призрачными миражами линию горизонта. После чего на пустыню непроницаемым саваном опустилась крошечная мгла. Она укрыла и тот крест, и девушку, которая все так и стояла, прильнув к нему всем телом. И даже звезды, засверкавшие бриллиантовой россыпью в ночном безоблачном небе, не смогли осветить их беспредельной, счастливой, но абсолютно черной любви.

3. Яма

Наступило утро. И пустыня быстро озарилась яркими лучами нового рассвета. И прекрасен был этот рассвет, как и всегда. Сама же пустыня в тот день совсем не изменилась. Она была, пожалуй, даже какой-то по-особому некрасивой. Серый цвет буквально царствовал над ней, однообразно растекаясь по матовым, волнистым, изменчивым ее формам. А только что проявившиеся черно-серые тени, ниспадавшие со склонов барханов, вполне завершали этот безрадостный, полный неопишуемого уныния пейзаж.

Однако рассвет этот как, впрочем, и предыдущий, не был вполне обыкновенным. И если бы только кто-нибудь мог все это увидеть, то заметил бы, что и после этой, второй уже подряд минувшей ночи, в таинственной пустыне вновь появилось нечто. Причем на этот раз не одно. Несколько, ровно восемь таких же черных крестов, как и тот, что появился вчера, темнели мрачными, вызывающими украшениями расплывчатой линии ее горизонта. Кресты эти находились очень далеко от предыдущего и располагались вокруг него. Отличий в них заметно не было никаких: все одинаково черные и совершенно не отражавшие свет. Да к тому же еще, судя по всему, и очень холодные. Что же касалось вчерашнего креста, то он все по-прежнему неподвижно висел над поверхностью пустыни. А несчастная, или счастливая девушка так и стояла на месте не шевелясь, прильнув к нему всем телом. Вот только заметно было, что она очень замерзла. Ведь прошедшая ночь, как и любая другая здесь, была невероятно холодной, да и сам крест был не теплее. Однако она не роптала, не отошла от него, не спряталась под согревающей толщей тяжелого песка. Она его очень любила. И никакие силы природы, как казалось, не могли оторвать ее от этого бездушного, жестокого, но бесконечно любимого ею существа. Но неумолимая судьба распорядилась, как это почти всегда и бывает, по-своему.

Не прошло и нескольких минут после рассвета, как девушка, словно бы очнувшись от того полузабытья, в котором пребывала, стала оглядываться по сторонам. А затем и неуверенно посмотрела на крест. После чего робким, непонимающе-удивленным голосом спросила: «А почему ты поднимаешься, милый? Ведь я теперь почти не достаю до тебя». И действительно, ноги девушки стали сначала медленно выпрямляться, потому что до сих пор она стояла едва ли не на коленях, а затем и вовсе оторвались от песка. Она попыталась было дотянуться до верхушки бархана хотя бы на цыпочках, но не смогла. Вот она уже полностью повисла на кресте и вновь, словно бы в недоумении проговорила: «Милый мой, прости, но долго я так не смогу». После чего опять и изо всех сил прижалась к кресту. Однако крест не опускался. Но и не поднимался. Он все по-прежнему висел в воздухе неподвижно. Как оказалось, это сама поверхность пустыни стала медленно, почти незаметно для глаза проседать под ним. Словно бы некая таинственная, но очень могущественная сила не то чтобы вдавливала песок вглубь. Она словно бы убирала из-под него опору. Отчего и песок, и барханы из него состоявшие, стали постепенно осыпаться туда вниз и все сильнее проваливаться.

В самой же пустыне помимо этого странного катаклизма не происходило ничего необычного. Местное светило все так же пылало, ветер дул, а стон терзаемых дневным жаром призраков постепенно стихал. Ведь иную боль невозможно выразить даже стоном. Впрочем, хотя это и могло показаться немного странным, но именно призраки тогда первыми заметили нечто особенное, поскольку ощутили своими бесплотными телами едва уловимые, глубинные движения сыпучего песка. Некоторые из них из-за этого высунули свои полупрозрачные головы на самое пекло и стали оглядываться. Когда же они увидели кресты на горизонте, то уже не смогли более оторвать от них взгляда. Уж слишком велико было их удивление. Сами же кресты почти незаметно, поскольку находились еще очень далеко друг от друга, стали приближаться к кресту, который находился посередине. И поскольку они не парили над поверхностью пустыни, то передвигаясь, сами словно бы смещали эту поверхность по направлению к центру того огром-

ного, идеально-очерченного круга, по дальним краям которого располагались. В результате же всего этого, ровно под центральным крестом и прильнувшей к нему девушкой, начала образовываться огромных размеров глубокая яма.

Девушка смотрела на все происходящее и молчала. Она была удивлена. Призраки, высунувшие из-под песка свои головы, также помалкивали и только лишь время от времени в немом изумлении открывали рты. Они никогда не видели здесь ничего подобного. А ведь некоторые из них находились в этой пустыне уже очень давно. Сама же яма тем временем лишь расширялась и углублялась. Впрочем, ширишь она не уходила дальше восьми приближавшихся друг к другу крестов. А вот вглубь она проваливалась все больше и дальше. Песок с поверхности, да и с глубинных ее слоев начинал постепенно сваливаться гулко шумящими водопадами вниз, оголяя все новых, еще ничего не подозревавших призраков, которые находились чуть выше центра ямы. Призраки эти озирались по сторонам и также, не произнося ни единого слова, в беспредельном изумлении открывали рты. Вот только вниз они отчего-то не соскальзывали вместе с песком. Какая-то неведомая сила не позволяла им туда упасть. Возможно, такова была их судьба.

Два призрака, один мужского, другой женского пола, которые находились у подножия одного из восьми сходящихся друг к другу крестов, наконец не выдержали и разговорились.

– Я уже тридцать лет тут, – произнес дрожащим голосом женский призрак, – но еще ни разу ничего подобного не видела.

– Тридцать, это еще не много, – ответил ей мужской призрак. – Я тут уже все семьдесят, но пока даже и на метр вглубь не продвинулся.

– Да, я знаю, – неуверенно проговорила «женщина», – там внизу есть выход. Мне другие призраки рассказывали. Что отсюда есть выход и он там, в самом центре под толщей песка.

– Да, – ответил ей «мужчина», – выход есть. Но он очень глубоко. И пока ты до него доберешься, много времени пройдет.

– Меня зовут Лора, – представилась «женщина», – а вы кто?

– Де Ливьери, – ответил «мужчина». – Впрочем, какое значение сейчас имеют имена. Все равно нам долго тут еще оставаться. Успеем познакомиться.

– Да, конечно, – произнесла «женщина» посмотрев куда-то в сторону. – Но я все равно не понимаю, зачем я здесь. Ведь я никогда не делала ничего плохого. Я всегда приносила людям только добро, как учили меня отец и мать. Да и священник наш меня тоже очень любил. Ведь я, когда еще совсем маленькой была, даже пела в нашем церковном хоре.

– Чушь, – спокойно ответил «мужчина», – твое добро ничего не значит. Ведь ты хотела совсем иного, а поэтому, то что ты делала, было притворством. В рай захотела? – мужчина криво усмехнулся.

– А почему бы не в рай? – тихо проговорила «женщина». Она почему-то теперь очень сильно погрузилась, и почти невидящим взглядом смотрела на все углубляющуюся впереди нее округлую яму.

– Своей притворной добротой ты здесь никого не обманешь, – фыркнул «мужчина». – Добро только тогда чего-нибудь да стоит, когда идет от сердца. Твои же фарисейские штучки в миру здесь не стоят ничего. Уж сколько я повидал тут таких как ты...

– Сколько? – спросила «женщина» спокойным голосом. Она словно бы действительно понимала, что «мужчина» прав, да и вообще, что обманывать ей в этом месте было некого. Да и бессмысленно. Все видели все насквозь.

– Много, – ответил «мужчина» спокойно. – Уж поверь. Да и сама-то ты разве ничего не замечаешь?

– А что я должна заметить? – спросила «женщина».

– Да то, что ты некрасивая, – «мужчина» опять усмехнулся. – И эдакое-то пугало, которым только людей по ночам в лесу пугать, еще на что-то там претендует, – он покачал головой.

– И только поэтому? – глаза «женщины» округлились.

– Да, – спокойно ответил ей «мужчина». – У тебя душа некрасивая. А значит не будет тебе еще долго покоя. И в мир тебе выйти не скоро. И забвения не видать. Ведь мир по-настоящему велик и прекрасен, и в нем нет места таким как ты. Такое страшилище, – «мужчина» вновь искоса глянул на «женщину», – уж лучше, поверь мне, держать здесь. Так оно всем спокойней будет.

– Но... – неуверенно проговорила «женщина», – что ж с того? Ну некрасивая, – она посмотрела на себя, – но ведь не заслужила же я этим, чтобы попасть в ад.

– В ад? – на этот раз «мужчина» даже рассмеялся. – Ну ты даешь. Какой ад? Ты пляши и пой, что ты здесь. Несколько лет на поверхности, потом пару сотен в глубине, и вот ты уже у центра. А там выход. Да, выход в мир. И вечное забвение! Что ты, «в ад»!?

– А-а, ну это тогда хорошо, – на губах женского призрака мелькнула некая тень улыбки, – а то я уж испугалась. Ну, вот ты только представь себе, – всю жизнь старалась быть хорошей и вдруг, что я вижу? Жара, песок и дикий холод ночью. И нет покоя.

– Ерунда, – ответил Де Ливьери, – нам повезло. Мне, так даже вообще здесь почти что нравится. Правда, – он грустно поглядел по сторонам, – что-то я подзадержался на поверхности. Уж сколько времени прошло, а все еще ни на метр вглубь не продвинулся. Велики, видимо, мои грехи.

Призраки одновременно вздохнули. Они оба теперь уже спокойно наблюдали за все углубляющейся впереди них ямой. Находясь у подножья одного из приближавшихся друг к другу крестов, они плавно перемещались по направлению к центру все более сужающегося идеально-ровного круга.

Центральный же крест все по-прежнему неподвижно парил в воздухе, что стало приводить девушку, которая за него все с большим трудом держалась, уже в настоящий ужас. Силы ее покидали, отчего она все чаще и тревожней поглядывала то на крест, то на бездонную пропасть, что разверзлась под ее ногами. Бесплотные призраки там внизу кишели на округлых стенках ямы словно полупрозрачные черви. Некоторые из них пытались даже спрыгнуть вниз, но безуспешно. Остальные же, пожалуй, едва ли не в первый раз за целые столетия увидав белый свет, истово пытались прорвать глаза, отчего и бешено терли их руками. Иные же просто негромко покрикивали или тихо плакали, превращая все это отвратительное действие в некое подобие ужасного, абсурдного спектакля.

Но вот, через какое-то время, и уже ближе к полудню, на самом дне этой, едва ли не бесконечно-глубокой теперь ямы, показалось нечто более определенное. Ни живое, ни мертвое, но именно то, что сразу привлекло внимание всех призраков вокруг. Отчего они все разом сначала затихли, а затем стали бешено рваться вперед и вниз, расталкивая и едва ли не раздирая друг друга руками. И это был свет. Тот самый свет, достичь которого они все так стремились. Тот выход в мир, в небытие, которого они жаждали более всего на свете. Белый свет, живой, яркий, струящийся подобно чистой родниковой воде в самом центре этой вечной, иссушенной, бесплодной пустыни. Свет этот действительно переливался и словно бы плескался там, внизу. Вполне могло бы даже показаться, что оттуда, из этой бесконечной глубины доносился какой-то странный, раскатистый гул. То ли звук прибоя, то ли шум водопада, то ли действительно журчания обыкновенного горного ручья. Каждый из призраков слышал в нем именно свое. Отчего был просто не в состоянии насытиться если не самим вкусом, то хотя бы звуком или даже просто видом такого манящего, прекрасного, светлого забвения.

Наверху же все шло своим чередом. Восемь черных крестов находились уже в непосредственной близости от центрального и, сомкнувшись, образовали вокруг него своими поперечными перекадинами изломанное кольцо. Сама же яма также сузилась у горловины и была теперь больше похожа на обыкновенный, хотя и невероятно глубокий колодец. Причем все эти перемещения крестов, соприкосновение их перекадин и последующая остановка, проис-

ходили очень медленно и едва ли не с методичной точностью. Словно бы некий гигантский бездушный механизм выполнял свою заранее просчитанную и выверенную работу. Однако теперь, когда кресты полностью остановились, плавно и также беззвучно начал свое движение уже центральный крест. Он стал медленно поворачиваться вокруг вертикальной оси. Горизонтальная же его перекладина с легким свистом рассекала разгоряченный воздух и отбрасывала на северную сторону округлой ямы темные всполохи резко очерченных теней. Несчастливая же девушка теперь уже просто была не в состоянии хоть как-то держаться за крест. Силы ее покинули. А теперь еще и это вращение ослабило ее хватку. Да она и упала бы уже давно, наверное, если бы не ее пальцы. Они, как оказалось, намертво примерзли к кресту и никак не хотели от него отлепляться. Девушка теперь уже ничего не говорила, а только смотрела на своего возлюбленного совершенно округлившимися от бессилия и ужаса глазами, полными слез и отчаяния.

Наконец пальцы ее все-таки не выдержали и, на обледеневших сгибах самых крайних фаланг, оторвались. И тогда девушка уже не смогла промолчать. Она вскрикнула и... вспомнила. «Аластор, – возопила она, – Аластор. Я знаю твое имя. И ты теперь мой, навеки. Я никогда тебя не забуду...» Но она уже падала. Туда, вниз, в яму, к самому центру чистилища. К тому месту, куда так стремились попасть все призраки. К свету, к счастью, к забвению. Поэтому не прошло и нескольких минут, как она вовсе скрылась из виду. Пропала и теперь уже навсегда. Отчего и вновь позабыла имя своего возлюбленного. И на этот раз, похоже, навечно.

– Это несправедливо, – тихо проговорила Лора. – Так не должно быть. Она убила человека, была проклята и так мало мучилась.

– Она достаточно мучилась, – возразил Де Ливьери, – уж поверь мне. И не тебе ее судить. К тому же, она была красавицей.

– «Красивая убийца», – усмехнулась «женщина», – ну уж нет. Там, наверху, – она посмотрела на небо, – совсем уже обезумели, если таким тварям даруют прощение.

– Сама ты тварь, – холодно ответил ей «мужчина», – и когда-нибудь ты это поймешь. А девушку мне жаль. Она была бы, наверное, святой, если б не этот выродок, – «мужчина» указал пальцем на плавно поворачивающийся в воздухе крест. – И он всегда так, и я его тоже знаю. Аластор, сказала она... Да-а, это он. Отморозок, выродок, мразь. Вечно ищет светлых и чистых душ на пропитание. Ненавижу его, – «мужчина» отвернулся.

– Ну, а если ты сам-то такой хороший, – ехидно проговорила «женщина», – и так все хорошо знаешь, что же ты-то тут делаешь в этом месте?

– Знать и делать, – разные вещи, – ответил ей «мужчина», понунив голову. – Я, возможно, и был когда-то в миру прекрасен и умен, но в душе я был ничем не лучше этого, – и он вновь указал, даже не повернув головы, на уже опускавшийся в бездонную яму черный крест.

4. Трансцендентность

Крест опускался. Он, словно бы ввинчиваясь в теперь уже свободное от песка открытое цилиндрическое пространство, уходил все глубже. Плавно поворачиваясь, он едва не задевал концами своей горизонтальной перекладины округлых стенок ямы. Эта перекладина проносила мимо бесплотных призраков, почти перед самым их носом. Последние же неотрывно следили за ней, не в силах почему-то вытянуть вперед своих рук. Они наблюдали за крестом так, как будто это не он сейчас, а они сами опускались вниз, избавленные от мук терзавшего их раскаленного песка, а также от казавшегося бесконечным здесь времени. Словно некое вещественное воплощение самой главной, прекрасной и сокровеннейшей их мечты медленно ускользало навсегда, оставляя позади себя одну лишь надежду. Только надежду, что и их муки пусть даже не скоро, но тоже закончатся. Однако сейчас почти несбыточная, непередаваемо далекая и завораживающая мечта находилась совсем рядом. Так рядом, что казалось, достаточно было всего лишь вытянуть вперед руку, чтобы до нее дотронуться. Но нет, они не могли этого сделать. Какая-то неведомая сила не позволяла им. Возможно, такова была их судьба.

На глубине примерно ста метров крест ненадолго остановился. Он, конечно, все еще продолжал свое вращение, однако вглубь он на некоторое время продвигаться перестал. И трудно было назвать причину этого. Возможно, эта остановка была связана с тем, что здесь находилось стекло. По виду, самое обыкновенное кварцевое стекло. А точнее та, почти бесконечная по протяженности, а толщиной примерно в десять метров, полупрозрачная гигантская сфера, опоясывавшая всю пустыню целиком. Когда-то очень давно, здесь, по всей видимости, и была как раз поверхность пустыни, и местное светило все же переплывало тогда песок в стекло. Но главной особенностью этого места было все же не это. Здесь находилась та условная точка, которую некоторые призраки, из тех что постарше, называли «точкой невозврата». Они рассказывали друг другу, да и более молодым призракам также, попавшим в эту пустыню относительно недавно, что именно здесь, у этого стекла, каждый призрак должен был для себя решить, опускаться ли ему дальше или все же оставаться наверху. Выбор был трудным. С одной стороны, все призраки стремились к забвению, а оно находилось именно там, на глубине. В самом центре того почти безразмерного, гигантского, раскаленного шара, который и представляла из себя эта пустыня. Но с другой стороны, мало кто знал, что ожидало их там. Однако, вполне обоснованно, «старые» призраки предполагали, что, – ничего хорошего. Поэтому Де Ливьери, конечно же, лукавил, когда выражал сожаление по поводу того, что так долго задержался на поверхности. Все было в его власти. И это было его осознанным решением. В действительности же он попросту боялся. Боялся того, что находилось под стеклянной сферой, там, откуда ни один призрак еще не возвращался. Иногда, пожалуй, действительно все же лучше оставаться пусть и немного глупым, и не иметь слишком уж развитого воображения, но при этом и быть решительным. Своим же бесконечным сомнением он лишь оттягивал момент, который рано или поздно все равно бы наступил. Потому что с неизбежностью бороться бесполезно.

Но вот, примерно через час, крест возобновил свое движение. Миновав стеклянную сферу, он теперь не останавливался, а продвигался вглубь чистилища плавно и размеренно. Вот он миновал тех призраков, которые, приняв для себя роковое решение, находились непосредственно под точкой невозврата. Эти призраки были очень веселыми. Ведь сразу под стеклянной сферой не было ничего пугающего. Там все было в точности так же, как и над ней. Они переговаривались друг с другом и едва ли не посмеивались над теми, кто никак не мог решиться на то, на что решились они. Конечно, они тогда еще не знали, что ждет их впереди. Однако сейчас они были почти что счастливы.

Через пару сотен метров ниже этой области находились призраки, которые уже начинали понемногу утрачивать свой веселый настрой. Точнее, они уже весьма сильно беспокоились,

отчего, выпучив глаза, вертели головами в разные стороны, без умолку при этом болтая друг с другом. Ведь на этой глубине было уже довольно тесно, да и сам колючий песок все с большей силой давил на них. А кроме того они начинали чувствовать и кое что совсем иное, неожиданное и очень неприятное. Когда-то много лет тому назад, еще лишь только опустившись под поверхность пустыни, они надеялись, что здесь, на глубине, пусть, возможно, будет и темно, и даже очень тесно, но по крайней мере они будут избавлены от того нестерпимого жара, который терзал их наверху. Да и сильнейший ночной холод там тоже был не из приятных. Однако сейчас, на глубине, они начинали чувствовать уже совсем другой жар. Не тот, что каждый день шел сверху, от полыхавшей ярчайшим светом звезды, а другой, не менее сильный, но который шел уже снизу, с той стороны, где были их ноги. То есть именно оттуда, куда все они и направлялись. И это обстоятельство очень сильно их беспокоило. Ведь если там, внизу, было что-то настолько горячее, что даже здесь, не видя еще ничего, они чувствовали его обжигающее присутствие, то что же с ними будет, когда они вплотную приблизятся к источнику этого жара? Подобные мысли пугали призраков и начисто лишали той едва ли не игровой веселости, которую они испытывали находясь чуть выше.

Наконец крест миновал и их. Он теперь уже находился на расстоянии примерно километра под поверхностью пустыни. А до конечной точки его путешествия было еще очень далеко. Расстояние это измерялось причем даже не километрами или десятками километров. А сотнями их, если не тысячами. Да-да, именно тысячами. И яма, образовавшаяся там наверху, была примерно столь же глубокой. Но как же тогда призраки, находившиеся почти у самой поверхности, могли видеть то, что было на таком удалении от них, – в самом низу этой едва ли не бездонной теперь ямы? Ведь на таком гигантском расстоянии рассмотреть было вообще ничего нельзя. Да, конечно, за исключением лишь одного, – света. Яркого, пылающего, невообразимо горячего света, который шел из самого центра чистилища. И насколько же была печальна участь тех призраков, которые приближались сейчас к нему? Каковы же были их страдания, не шедшие ни в какое сравнение с тем, что они испытывали на поверхности. Но спасение, к несчастью, было именно там, в самом центре этого огромного, раскаленного, пылающего шара, в ужасных пучинах которого они все сейчас находились.

Крест опускался. Он теперь двигался с довольно приличным ускорением, поскольку, сохраняя прежнюю скорость, не смог бы достичь дна ямы даже, наверное, до окончания времени. Круговое же вращение его также усиливалось, поскольку горизонтальная перекладина, сохраняя момент движения, стала постепенно укорачиваться. Она, буквально сантиметр за сантиметром словно бы вжималась в вертикальную стойку креста, делая последнюю несколько длиннее. Это изоморфная трансформация происходила очень медленно и почти незаметно. Она длилась до тех пор, пока горизонтальная перекладина не исчезла совсем, а вертикальная стойка не приняла форму тонкой, вытянутой, острой иглы. Сам же, бывший теперь уже крест, не столько ввинчивался в пространство ямы, – он просто-таки падал в нее, рассекая очень сильно разогретый, плотный воздух, сжатый едва ли не до консистенции киселя.

Сама же яма во время этого стремительного падения практически не менялась, впрочем, как и то, что находилось на ее стенках. Это были все те же призраки, правда теперь уже не то чтобы задумчивые или встревоженные, а дико перепуганные и жутко кричащие. Да и действительно, страдали они ужасно. И от нестерпимого жара, который доходил до них снизу, и от чудовищного давления песка, сжимавшего их со всех сторон, да и от себя самих. Поскольку все они теперь вынужденно прижимались друг к другу, принимая при этом самые невообразимые позы.

Еще чуть ниже призраки эти переставали даже кричать, а просто медленно поворачивались на месте, шевеля при этом то руками, то ногами, то лишь одними пальцами. У некоторых из них были вывернуты все части тела, отчего они являли собой зрелище весьма отвратительное. Еще через пару сотен километров призраки эти переставали даже шевелиться и только

лишь в невыразимом ужасе смотрели куда-то вперед в пространство, прямо перед собой. Они были теперь уже едва ли не сплавлены друг с другом. А некоторые части их тел действительно, пожалуй, срослись.

Потом был пояс неожиданно красивый. То отвратительное зрелище слипшихся и кое-как шевелящихся в своей же собственной жидкости призраков миновало. А вместо него возникла область кристаллов. Здесь призраки, уже почти полностью лишённые своей индивидуальности, представляли в виде то ли кораллов, то ли кристаллических разветвлений. Эти разветвления тянулись вглубь на сотни, если не тысячи километров. Они были разного цвета и размера. Причем, чем дальше в глубину, тем более прозрачными они становились. Весьма похожие на разветвленные узоры на окнах в морозный зимний день, они представляли из себя нечто поистине завораживающее. Поскольку были на удивление красивы, причем не только по форме, но и по цвету, который был, однако, чаще всего либо фиолетовым, либо красным.

И вот наконец, этот бывший теперь уже крест, а сейчас летящая с невообразимой скоростью игла, приблизился к уровню коконов. Здесь призраки, давно уже не являясь тем, чем были прежде, то ли от невообразимого жара, то ли от давления, то ли от иных напастей, обрушившихся на них, покрывались твердой, непрозрачной, напоминавшей хитин оболочкой. Они, словно бы окончательно умерев, безропотно ждали завершающего этапа своего бесконечно-долгого путешествия к забвению. И это был центр чистилища. Пылал он светом невообразимым. Ничто, даже эти бесплотные призраки, не могло долго находиться рядом с ним. Все плавилось вокруг него и все кипело. И только лишь та уродливая защитная оболочка, которой призраки покрылись за столетия своего пыточного путешествия вниз, не позволяла им сгореть сразу. Но все же из-за чудовищного давления сверху они постепенно приближались к этому свету, отчего словно начинали сперва оттаивать и разворачиваться, а затем, соприкоснувшись с самим светом, в долю секунды сгорали. И это был конец. Всего. И их мучений, и памяти, и той полупрозрачной субстанции, которую они представляли из себя изначально. Эта субстанция теперь, как казалось, даже питала свет чистилища. И хотя он, конечно, не делался от этого более ярким или горячим, поскольку пылал так, что колебаний светимости там, пожалуй, и невозможно было различить. Однако это был, наверное, тот единственный и почти неисчерпаемый источник энергии, который с ним соприкасался.

Сам же крест не остановился перед центром чистилища и даже не снизил скорости. Он на полном ходу вонзился в него и... исчез. Его больше не было здесь. Не осталось от него и следа даже, поскольку круглая яма, едва лишь этот крест-игла вылетел за ее пределы, мгновенно схлопнулась. Находившиеся же наверху кресты, подобно лепесткам огромного черного цветка, медленно опустились в разные стороны, после чего, плавно взмыли в воздух и унеслись в восьми равноудаленных друг относительно друга направлениях в неведомое призрачное пространство. Путь же креста-иглы теперь лежал к цели, которая находилась совсем близко от него. Однако, вылетел он из того, иного, живого измерения на такой гигантской скорости, что еще около трехсот лет ему понадобится, чтобы постепенно затормозить и остановиться, и еще примерно столько же, чтобы наконец достичь места своего назначения. И этим местом была Земля.

5. Земная жизнь

Жизнь на Земле была прекрасной. Цивилизация процветала. Науки развивались, культурные достижения едва ли не превосходили в изяществе друг друга, численность же населения только росла. После двух мировых войн люди Земли словно бы одумались и стали оценивать себя более реалистично, без идеализирования. Они уже не считали себя богам равными или хотя бы приближающимися к этому идеалу. Не считали они себя и непогрешимыми, поскольку обнаружили, что в природе таких вообще не существует. Не мыслили они себя и слишком добрыми, поскольку воочию убедились, на что способны. И жизнь после этого весьма упростилась. Проекты социального равенства были отброшены, так как ровнять можно было лишь по худшим. Ведь худших почти невозможно было сделать лучшими, а вот лучших весьма легко было низвести до любого уровня. И даже до уровня тупой скотины, что вполне доказали известного рода лагеря. Идеи всеобщего благоденствия были забыты. Ведь всем не может быть одинаково хорошо. Поскольку есть такие вещи, как пресыщение или привычка. А именно к хорошему люди как раз и привыкают быстрее всего и перестают видеть в нем хорошее. Да к тому же еще, если всем одинаково хорошо, то это уже и не хорошо вовсе, а просто нормально. И гордиться или, наоборот, завидовать некому. В общем же, все эти сложные преобразования и социальные эволюции вполне можно было охарактеризовать, как довольно успешные и сугубо положительные. Поскольку люди в результате них пришли к одному очень хорошему для себя итогу: они стали более реалистичными.

А что может быть практичнее реализма? Да пожалуй, что и ничего. Ведь реализм – есть способность видеть вещи такими, какие они есть, без прикрас или очернения. В некотором же роде реализм вполне можно определить даже, как способность видеть правду. И отличать ее от лжи. А там где видна правда, там почти всегда исчезает и насилие. Ведь даже те, прошедшие мировые войны, были бы совершенно невозможны без лжи. Когда людям все время твердили то о полном превосходстве их расы над другими, то об упорядочивающем влиянии абсолютной анархии, то о руководящей роли рабочего класса в истории. Но теперь все это было уже в прошлом. И хотя некоторые отголоски тех, минувших потрясений все еще докатывались иногда до цивилизации людей то в виде неофашизма, то расизма, то еще какого-нибудь «изма», но все это было теперь уже совсем не то, что прежде. И заметного влияния такие реваншистские поветрия ни на политику, ни на социальную среду не оказывали.

Люди, наконец, стали уделять повышенное внимание природе, да и вообще всей окружающей среде. Казавшиеся еще совсем недавно неисчерпаемыми природные ресурсы оказались на поверку очень даже исчерпаемыми. А незыблемая устойчивость всевозможных биогеоценозов оказалась настолько хрупкой, что подчас приходилось прилагать немалые усилия, чтобы ненароком ее не нарушить. Люди увлеклись так называемой «зеленой» энергией. Они строили огромные ветряки и приливно-отливные гидроэлектростанции. Они даже стали отказываться от двигателей внутреннего сгорания и переходить на более экологичные, работающие либо на водороде, либо на простом электричестве. Созывались разного рода международные научные конференции, посвященные общим проблемам климата и окружающей среды. Были определены как важные и подлежащие скорейшему разрешению проблемы озоновых дыр, а также потепления климата. В крупных городах люди в массовом порядке пересаживались на велосипеды, самокаты и прочие, едва ли не примитивные механические устройства. Им даже нравилось подчас пользоваться такими, в сущности средневековыми механизмами, живя при этом в двадцать первом веке. Поскольку все это добавляло в их, иногда все же несколько скучноватую жизнь, элемент экзотики. Да к тому же еще и физические упражнения вместо периодического однообразного нажатия на кнопки и рычаги также не приносили никому никакого вреда.

Люди справились со многими болезнями. Хотя, сделали в процессе этого одну весьма серьезную ошибку, которую, правда, вовремя сумели исправить. А именно, увлеклись антибиотиками. Был даже такой, довольно продолжительный период, когда им казалось, что все проблемы в медицине уже решены, и что оставалось лишь только открыть еще несколько новых антибиотиков, чтобы и с оставшимися недугами справиться. Однако все оказалось значительно сложнее. Поскольку болезнетворные микроорганизмы, изначально чувствительные к подобным лекарствам, через некоторое время мутировали и начинали этими лекарствами едва ли не питаться. А несчастные пациенты, напрочь лишенные в результате слишком частого медикаментозного вмешательства своего собственного иммунитета, очень сильно страдали от такого лечения и погибали даже иногда. Но в конце концов врачи все же поняли, что слишком уж упорствовать, пусть даже и в привлекательных своей простотой заблуждениях, им, наверное, все-таки не стоит, и что нужно позволять организмам больных самостоятельно бороться с недугами. Конечно, до определенного предела. Поскольку при острых формах болезни без антибиотиков по-прежнему обойтись было нельзя. Но если человек заболел чем-то простым, то лекарства ему только вредили. Среди врачей тогда даже появилось некое неписаное правило, что пока температура больного не поднималась выше тридцати восьми, а некоторые говорили, что и тридцати девяти градусов, то и лечить его медицинскими препаратами было не нужно. «Пусть чай с малиной пьет», – говорили они.

Любопытно было еще и то, что в сфере борьбы с преступностью человечество также достигло большого прогресса. Хотя на некоторое время люди и здесь поддались практически тем же заблуждениям, что и в медицине. «Бороться с преступностью нещадно» – вот был их главный лозунг тогда. Однако, по прошествии нескольких десятилетий, люди убедились, что подобный жестокий подход, «на уничтожение», не дает почти никаких положительных результатов. Преступность приспособлялась к новым условиям и прекрасно существовала при них. Она даже поражала иногда сами правоохранительные органы, поскольку общество в результате такого бесконтрольного вмешательства в свою повседневную жизнь напрочь переставало бороться с преступностью. Некий своего рода «общественный иммунитет» ослабевал, а иногда и вовсе отказывал. И тогда появлялись формы преступности воистину ужасные: немотивированные, садистские, непредсказуемые. Но люди и здесь вовремя спохватились и решили, что на некоторые виды правонарушений государственным органам вообще лучше не реагировать, предоставляя обществу самому справляться с подобными проблемами. Но естественно, лишь только до тех пор, пока, условно говоря, «температура» конфликта не достигала «тридцати восьми градусов».

И спустя некоторое время общество выздоровело. Многие виды правонарушений, в особенности самые страшные, исчезли совсем, а мелкие... ну от них была подчас даже определенная польза. Поскольку незначительная преступность приводила общество к самоочищению. Так же как и некоторые микробы – нормальный здоровый организм, которому иногда бывает просто необходимо переболеть какой-либо инфекционной болезнью, чтобы потом никогда уже к ней не возвращаться.

И все же некоторые проблемы человеческой цивилизации сохранялись. И связаны они были прежде всего с чрезмерной зарегулированностью общества. Дети, например, даже с учетом мнения родителей, не могли выбирать учиться им или нет. Они обязаны были учиться. И хотя от такой учебы пользы было мало, поскольку от долгого завуалированного насилия дети только тупели, но все же обязательное среднее образование сохранялось еще во многих странах мира. Иногда людей, напротив, принуждали искусственно заботиться о своей старости. Поскольку пенсионная система также не была добровольной. Люди не могли самостоятельно выбирать, копить им или не копить. Они обязаны были платить налоги для реализации весьма призрачной возможности пожить на старости лет за чужой счет. Не были решены также и проблемы с гонкой вооружений. Которая постепенно привела к накоплению такого огром-

ного количества смертоносного оружия, что всю Землю можно было уничтожить, да еще и не один раз. И хотя некоторые шаги по нераспространению самых опасных видов вооружения все же предпринимались, так же как и меры по демилитаризации некоторых стран, но тем не менее, меры эти не носили массового характера и имели весьма ограниченный эффект.

Не были решены проблемы и экономические. И прежде всего финансовые. Поскольку власти приняли на себя полную ответственность за функционирование всей финансовой системы в виде Центральных банков, то есть контролировали всю систему целиком. Отчего она постепенно перестала отвечать интересам общества, и обслуживала лишь правящую верхушку. А поскольку тот, кто печатает деньги, опосредованно печатает и ценники, то и вся экономика Земного шара во многом оказалась строго регулируемой и подконтрольной. Это лишало ее здоровых и подчас не до конца понятных путей развития. Что приводило время от времени, причем всю экономику Земли, к тяжелейшим кризисам. Со временем эти кризисы только разрастались, а влияние на них властей, так же как и их возможности по регулированию финансовой сферы, сокращались. Да и вообще, в двадцать первом веке вся финансовая сфера полностью оторвалась от реальной экономики. Отчего витала где-то высоко в облаках, лишь изредка и не всегда снисходительно «поглядывая» на реальное производство.

Единственной, пожалуй, сферой деятельности, в которой человечество не сбавляло темпов развития, была наука. Многие загадки как микро, так и макромира были разрешены. Была построена удивительно красивая теория тяготения, релятивистских скоростей и инерционных систем. Был открыт странный, завораживающий мир квантовой механики и электродинамики. Математические выкладки сделались настолько сложными и разветвленными, что подчас не уступали в красоте и изяществе гуманитарным дисциплинам. Сложнейшие и удивительные уравнения, ряды, функции, мерная топология и прочие разделы математики, описывали как при помощи точных, так и вероятностных величин практически весь окружающий мир целиком. Физики же, благодаря совершенно запредельным по чувствительности приборам, смогли заглянуть не только в глубины атомов и молекул, но даже и самого атомного ядра. Были предсказаны теоретически, а затем открыты экспериментально бозоны и фермионы. Кварковая теория нашла свое подтверждение. Была обнаружена даже частица, отвечающая за появление массы у вещества. Генетики вплотную подошли к созданию и конструированию живых организмов. Они частично даже научились исправлять генетические дефекты, то есть непосредственно формировать будущие поколения. Которые, по всей видимости, вскоре должны были полностью избавиться от тяжелого груза генетических ошибок, накопленных человечеством за долгие годы, когда оно вышло из-под очищающего влияния естественного отбора.

Появлялись новые науки. И хотя они нередко представляли из себя лишь некую гибридную смесь наук уже известных, но тем не менее дисциплины эти также приносили подчас удивительные плоды. Биохимия и астрофизика, социолингвистика и многие другие направления познания обогащали людей новой информацией и позволяли заглянуть за все более удаленные горизонты. Люди вообще знали очень многое, поскольку информационные технологии развивались, пожалуй, динамичнее всех остальных. Информация стала рассматриваться едва ли не как жизненно-необходимый элемент повседневного быта, а не просто как один из курьезных парадоксов квантовой теории.

Люди заглянули далеко в космос. Так далеко, как никогда прежде и не помышляли. Были открыты не то чтобы малые планеты Солнечной системы или далекие звезды. А скопления звезд, Галактики и скопления Галактик. Люди увидели свет, идущий чуть ли не с самого края видимой Вселенной: невероятные квази-звездные радиоисточники такого света, поражающие своей светимостью и мощностью. А ведь некоторые из них были намного ярче даже самых крупных Галактик, в огромных водоворотах которых насчитывались сотни, если не тысячи миллиардов звезд. Были открыты и объекты противоположные, то есть запредельно темные. Не выпускавшие из себя даже света. И только по ярким аккреационным дискам или поведению

близлежащих газа и звезд можно было эти объекты обнаружить. Не были, правда, изобретены еще способы передвижения, которые могли бы позволить людям добраться до этих страшно удаленных объектов. Но можно было не сомневаться, что с учетом уже проявленного упорства и едва ли не запредельного любопытства, людям в конечном итоге удалось бы и эти проблемы разрешить.

Многое теперь видели люди, знали они многое, многое могли. А то, что не могли сейчас, то почти наверняка смогли бы в недалеком будущем. Вот только не предполагали они, каким окажется это будущее. Не научились они его предсказывать. Сколько ни старались, но так и не овладели они искусством прогнозирования. Не вышло у них. Да и не могло. Одно обстоятельство все время незаметно мешало им. Важное и очень существенное. Ведь, в определенном смысле, они не то чтобы не могли заглянуть за временной рубеж, отделявший настоящее от грядущего, но также не могли они в полной мере увидеть и само настоящее. Поскольку были слепы. Безнадежно и неизлечимо слепы. Так слепы, что должно было произойти действительно нечто невообразимое, чтобы они наконец прозрели. И увидели мир таким, каков он есть. Живым, удивительным и многообразным. Чтобы перестали, подобно примитивным кротам, без усталости роющим в крошечной темноте сырую землю, всю свою жизнь копать в беспредельных сферах бесплодных знаний об окружающей их неживой природе.

6. Последний день

Ничто так не веселит, как скука. Иногда, находясь в поразительно скучной компании или обстановке, вы вдруг замечаете, что вам стало нестерпимо смешно. Достаточно лишь вспомнить некоторые случаи из своей собственной жизни, когда, например, в кино или даже еще просто в школе на уроке кто-нибудь делает что-то неожиданное или хотя бы громкое. Например, роняет что-либо на пол или чихает. И тогда все разражаются едва ли не гомерическим хохотом. Все смеются так, как будто этого они лишь только и ждали, как раз такого вот случая, чтобы наконец выразить то, что накопилось внутри. Что же касалось человечества вообще, то оно также словно бы чего-то ожидало, довольно изрядно скучая в последние несколько десятилетий. Отдельные личности, города, да подчас даже и целые страны буквально, как казалось, не знали куда себя деть. От этого они, естественно, время от времени впадали в разного рода крайности. То в чрезмерную угрюмость или застой, которые в свою очередь почти всегда заканчивались разного рода безобразиями. То, напротив, в беспричинные веселье или ажиотаж. И хотя подобные выкрутасы в общем-то мало чем помогали, однако они позволяли людям хотя бы ненадолго забыть о той едва ли не всепоглощающей скуке, которая накрепко оплела своими призрачными серыми щупальцами большую часть всего человечества.

Поэтому, если смотреть на вещи с этой, самой общей точки зрения, то многие города да и целые страны двадцать первого века мало чем отличались друг от друга. И совершенно очевидно, что земное продолжение всей этой довольно странной истории могло случиться в любом из этих городов. Но так уж вышло, что все произошло именно в Москве, в офисе одной из самых заурядных компаний. Уж чем эта компания конкретно занималась не суть важно. Так же как и неважно, какие именно люди в ней работали. За исключением, пожалуй, лишь одного, особенного.

Тот, последний, более или менее спокойный в истории человечества день в офисе этой фирмы начался с обычной, ставшей уже рутинной получасовой летучки в кабинете у директора. После чего сотрудники компании спокойно разошлись по своим рабочим местам. Трудились они в тот день так же, как и обычно: без излишнего энтузиазма, но и без лени. Добровольно позволяя всезнающему руководству самому решать за них все. Самостоятельно думать в этой фирме было как-то не принято. И только на так называемых «мозговых штурмах» сотрудникам все же предоставлялось право что-то там еще и предлагать от своего имени.

Наталья Сергеевна – секретарь руководителя компании – была в тот день, пожалуй, немного более обычного раздражительна и резка. Однако, поскольку она представляла из себя создание поистине удивительное и очень милое, то все относились к подобным ее недостаткам весьма снисходительно. А мужчины за них ее, пожалуй, даже еще и любили. Работала она в этой фирме не слишком давно, примерно с полгода. Однако коллектив принял ее как-то сразу, как свою. С директором у нее были также вполне деловые отношения. И хотя злые языки все же позволяли себе иногда делать определенные намеки. Но более или менее достоверных фактов припомнить не мог никто.

– Антон, – едва ли не взвизгнула Наталья Сергеевна в портативный коммутиратор, соединявший ее комнатку с отделом программного обеспечения, – у меня тут опять одна клавиша западает и компьютер не грузится. И выскочило еще какое-то зеленое сообщение, так что я ничего не могу сделать.

На это один из программистов компании, по всей видимости, как раз тот самый Антон, – довольно безликий, щуплый молодой человек, через такой же коммутиратор, установленный уже в его комнате, ответил:

– Да, да, Наталья Сергеевна, уже иду, – после чего неспешно поднялся с кресла, отхлебнул немного черного кофе, который в силу давно приобретенной привычки очень любил, и едва ли не шаркая стоптанными ботинками по полу, направился в помещение секретарши.

Там он провел минут двадцать. Неожиданно долго для такой простой или даже глупой компьютерной поломки. Однако Наталья Сергеевна была хотя и немного старше Антона, но тем не менее весьма ему симпатизировала, отчего и не отпускала от себя все то время, забрасывая то нелепыми вопросами, то просто бессмысленными репликами. Молодой же человек все терпел, хотя и выказывал иногда признаки нервозности и пусть и не сильного, но вполне определенного желания побыстрее уйти в свою комнату. Наконец это ему удалось. А Наталья Сергеевна лишь только и успела, что бросить ему вслед какую-то очередную свою бессмысленную реплику, наподобие: «Ты и сам о себе позаботиться не можешь», после чего дверь за молодым программистом закрылась.

Вернувшись на рабочее место, Антон еще какое-то время приходил в себя от этой, пожалуй, несколько преувеличенной энергетики секретарши шефа. Однако он знал, что Наталья Сергеевна, – а именно так он к ней всегда обращался, – была существом все же добрым, хотя временами и ветреным. Иногда ему даже казалось, что она относилась к нему с какой-то особенной теплотой. А возможно и с определенного рода интересом, как он однажды, пусть и довольно давно, но все же подумал. Но нет, привязанности там, пожалуй, не было никакой, а о самом, пусть и весьма отдаленном намеке на любовь речь не шла и подавно. И тем не менее Наталья Сергеевна всякий раз ставила Антона чуть ли не в тупик своим поведением. Да и странные фразы, которые он время от времени от нее слышал, также путали его мысли и едва ли не отталкивали от нее.

Наконец настало время обеда. Сотрудники компании все как один отправились в столовую. Там сегодня приготовили что-то особенное, отчего мужская часть коллектива, совершенно позабыв об учтивости, пролезла к столу раздачи вперед дам, лишь иногда и чуть досадливо извиняясь перед последними. Антон спокойно поглядел на всю эту толчею и собирался было уже уходить, как под руку его подхватил его давнишний знакомый, Василий, который работал в этой компании уже очень давно. Они тогда с Антоном, еще лет семь тому назад, почти одновременно пришли сюда устраиваться. Причем рассматривали это место, и также оба, как временное. Но попритерпевшись к коллективу и свыкнувшись с трудовыми обязанностями, так здесь и остались.

– Антонио, – обратился Василий к приятелю, – предлагаю сегодня, – тут он перешел на заговорщицкий шепот, – свалить с работы пораньше. В кафешке, ну той, где мы были в прошлый раз, сегодня скидки. За полцены можно купить все и даже выпивку. Но это у них начнется только после шести вечера. И приходите, думаю, тоже нужно заранее. А то там толпа будет.

Антон задумался над предложением. «Нет, – ответил он наконец, – мне ехать далеко. А ночевать у тебя на кухне мне что-то больше не хочется, так что иди один. Только без обид, ладно?»

– Ладно, как знаешь, – Василий, похоже, совсем и не обиделся. – Я тогда кого-нибудь другого позову, или другую.

– Кого же это? – Антон хмыкнул.

– Да кого угодно, – бросил Василий непринужденно. – У нас тут народ хотя и зарабатывает прилично, но до халявы всегда жадный. Многие пойдут, если узнают. Только ты сам-то, смотри, никому не проболтайся.

На этом разговор был завершен. И после обеда все вновь, и теперь уже явно без желания, разошлись по своим рабочим местам.

Тот день действительно был каким-то по-особому скучным. Ничего и нигде не происходило. Даже сотрудники компании все как-то вяло и словно бы превозмогая все более овладе-

вавшую ими лень, переговаривались друг с другом. Поэтому, когда вечером в офис их фирмы пришел некий неизвестный посетитель, все восприняли это обстоятельство едва ли не как спасение.

Человек этот пришел почти перед самым окончанием рабочего дня. Одет он был довольно хорошо и с изрядным вкусом. Внешность его была, пожалуй, несколько прозаичной, хотя эта его прозаичность все же выглядела почему-то странно. Он, прямо сказать, не был идеалом красоты, хотя и сложен был весьма неплохо. Однако, что-то в нем выдавало человека совсем не спортивного. То ли эти его телодвижения, весьма тяжеловесные, то ли какие-то нескладные манеры. Лицом же он был также, пожалуй, красив. Хотя и здесь присутствовало нечто такое, что не позволяло назвать его привлекательным. И это была его мимика. Причем она не то, чтобы казалась неприятной или, к примеру, отталкивающей, она словно бы отсутствовала напрочь. И даже когда этот человек говорил, то, – хотя в это и трудно было даже поверить, – двигались одни только его губы. Уголки же рта и глаза не двигались совсем. Все это производило весьма неприятное и именно отталкивающее впечатление. Охранник компании, который некоторое время беседовал с ним, глядя на все эти несуразности, так растерялся, что даже забыл спросить у незнакомца пропуск или паспорт, что случалось с ним довольно редко. Вот только на женщин этот запоздалый посетитель произвел в тот вечер поистине неизгладимое впечатление.

Сотрудницы компании, едва лишь увидели этого припозднившегося гостя, как сразу оставили в покое все свои дела и, – что было уж и вовсе неслыханным, – оборвали на полуслове обычно не прекращавшиеся разговоры. Они смотрели на гостя так, как будто он шел в ту минуту по коридору их фирмы абсолютно голым, да еще и на личную встречу с кем-то из них. И хотя это было, конечно же, не так, а на женские взгляды гость и вовсе не обращал никакого внимания, однако более работать в тот день представительницы фирмы оказались не способными совершенно. И никакая сила в мире, как казалось, не смогла бы их заставить вернуться к начисто позабытым трудовым обязанностям. Вот только на Наталью Сергеевну неизвестный гость не произвел поначалу никакого впечатления, потому что она сперва его не заметила, закопавшись с какой-то ерундой у себя под столом. Но зато потом, когда гость выходил уже из кабинета шефа, так на него уставилась, что нечаянно опрокинула на свой стол открытый пузырек с лаком для ногтей. Последний же не преминул тут же растечься густой ярко-красной лужей по ее, как назло, весьма важным документам.

Наконец гость ушел. А еще через несколько минут закончился и рабочий день. Все, едва лишь часы пробили шесть вечера, тут же повскакивали со своих мест и буквально ринулись к проходной, напяливая прямо на ходу верхнюю одежду. Вышел из здания фирмы и Антон. Ему предстояло еще некоторое время ехать сначала на метро до железнодорожного вокзала, а затем, в набитой битком душной электричке, около часа добираться до своей подмосковной станции. Жил Антон в пригороде. Не слишком далеко от Москвы. В этом были, конечно, и свои неоспоримые преимущества в виде свежего воздуха и потрясающей тишины. Но были и недостатки, самым главным из которых была именно дорога. Впрочем, он уже почти привык к ней и не замечал ни долгого пути до работы утром, ни назад до дома вечером. Вот и сегодня Антон доехал до своей станции и сам в точности не заметив как. Выйдя из полупустого теперь уже вагона, он направился по тускло освещенной тропинке, которая вела через неширокую лесополосу к большому полю, ограниченному по дальнему краю асфальтовой дорогой, у которой как раз и находился его дом. Идти там было совсем недалеко, минут пятнадцать. Вот только никогда уже не забудет Антон того пути, да и вообще того вечера. Поскольку едва лишь он углубился в затененную и поросшую непроходимым бурьяном лесополосу, как из-за кустов прямо ему навстречу, словно бесплотная тень, вышел некий человек.

И если бы только знал Антон, кто стоял тогда перед ним, то, наверное, наложил бы на себя руки прямо там, на месте. И не сожалел бы об этом никогда, провались он после этого

хоть в самую преисподнюю. Однако, он не знал кем был тот незнакомец, да и не мог знать. А был это все тот же посетитель их компании, который заходил к ним этим вечером в офис. Сейчас же человек этот почти незаметно, плавно и словно вовсе не переступая ногами, приблизился к Антону. Да так и замер неподвижно напротив него. Своими холодными серыми глазами, которых почти невозможно было рассмотреть в полумраке позднего вечера, незнакомец смотрел куда-то вперед в пустое пространство. А потом вдруг взял и, как казалось, ни с того ни с сего, резко размахнулся левой рукой назад и ударил.

Удар этот, беззвучный и почти незаметный, не смог бы выдержать никто. По крайней мере из простых смертных. Но ведь Антон тоже был человеком? Да, конечно, – человеком он именно был. Однако до этого, когда-то довольно давно, он человеком этим и стал, хотя сейчас и не помнил этого. Но в тот момент, по прошествии почти двадцати шести лет своей земной жизни, он вновь стал таким, каким был прежде. Когда завершил свои бесконечно долгие, бесцельные блуждания по холодным и мрачным просторам космоса. Когда подошел к случайному финалу тот невообразимо протяженный период его неосознанного существования без мыслей, без чувств и воспоминаний. Вот только все, что с ним происходило тогда, теперь уже нельзя описать достоверно. Поскольку давно это было. Так давно, что и вообразить себе невозможно. Впрочем, не случись с ним этой обратной метаморфозы, ничего в мире людей и не изменилось бы. Все шло бы как прежде. Пусть, возможно, и несколько вяло или даже скучновато, но зато без серьезных потрясений. Вот только сам бы Антон, к сожалению, в этом случае погиб бы сразу. Но он устоял, он выдержал удар и выжил. Он даже почти и не сдвинулся с места, на котором несколько секунд назад остановился, недоуменно взирая на странного незнакомца. Однако теперь ничего уже исправить было нельзя. Потому что эти двое непримиримых противников, сошедшихся друг с другом в смертельной схватке, не могли более владеть собой. Да и вообще все события после этого, как казалось, самого обыкновенного осеннего вечера стали развиваться неумолимо, непредсказуемо и стремительно. И, как это ни странно, все предопределил лишь один, пусть и чудовищной силы удар, который одно весьма странное существо из этого мира нанесло, а другое выдержало.

7. Столкновение

Вам когда-нибудь было больно или страшно? А холодно? Да? Нет? Какое это имеет значение? Совершенно верно, никакого. Потому что ни одно живое существо на земле и никогда не испытывало ничего даже отдаленно похожего на то, что почувствовал тогда Антон. Ему показалось даже, что наступил конец света. Что не то чтобы одно лишь тело его, а саму душу его сжали холодные, твердые, мощные тиски. Что крошечная мгла буквально обрушилась на весь мир, и что он был в центре этого мира. Он не мог тогда даже закричать, хотя этого ему и очень хотелось. Не мог он и умереть, поскольку смерть была бы избавлением. Ему оставалось только терпеть. Но и терпеть он тоже не мог. Так что же, что ему было делать, о чем думать, что чувствовать? Что могло бы хоть как-то, причем не то чтобы совсем избавить его от страданий, но пусть лишь ненадолго облегчить их. Знание и память, – вот все, что ему оставалось. Думать и помнить, вот все, что он мог. И это было то единственное, что помогло тогда Антону не обезуметь от боли и ужаса, не превратиться в такое же бездушное, жестокое существо, которое стояло сейчас перед ним. Да, он знал, он помнил. Сейчас вот вспомнил, что бывает в мире такой черный лед. Такой ужас: твердый, неизбывный, от которого не спастись и даже не скрыться. Что когда-то давно он уже сталкивался с подобным льдом и выжил. А раз выжил тогда, то выживет и сейчас.

Впрочем, сейчас ему было, пожалуй, и несколько легче. Ведь ему не нужно было думать о спасении, когда ни о чем другом, кроме как о собственной невыносимой боли думать почти невозможно. Не нужно было идти наугад, причем лишь только в одном из всех случайно-возможных пространственных направлений. Не нужно было тратить всю свою энергию на один совсем незначительный шаг, а потом еще столетиями копить ее, чтобы сделать шаг новый. Не нужно было проделывать весь тот страшный путь, пройти который могло, наверное, лишь одно живое существо из миллиарда. Он уже знал этот путь, помнил его. Сейчас вот вспомнил: только знания, только они одни были его светом, давали надежду. И вот теперь, во второй раз уже, спустя очень долгие годы они снова спасли его.

Некоторое время после полученного удара Антон стоял неподвижно. Незнакомец же находился в нескольких шагах от него и, как казалось, слегка улыбаясь, с интересом разглядывал свою жертву. Но постепенно взгляд его стал как будто чуть мутнеть, потом делаться напряженным и словно бы колючим, и вдруг вспыхнул: невероятной, бешеной злобой. Он едва ли не с ужасом обнаружил, что его противник не погиб, не обратился в прах, и главное, не стал таким же, как и он сам: холодным, бездушным, злым. Что вся та ненависть, которую он вложил в тот единственный и сокрушительный удар, не перешла тогда к Антону. Она, конечно, очень сильно травмировала его. Но при этом все же и не проникла в его душу, в самую глубину. А значит теперь уже он сам, что казалось и попросту невозможным, был слабее своего противника, мягче его. И такого не случалось еще никогда. Ему явно противостояла сила, которая, быть может, и не была такой же мощной. Но она, в отличие от его собственной, пусть и запредельной, но при этом все же и какой-то тупой, была, напротив, словно бы острой. С областью приложения почти равной простой геометрической точке. А оттого порождала воздействие не менее разрушительное. И это было воздействие алмазного резца на кремль. Тонкое, глубокое, болезненное. Что-то неведомое стало овладевать незнакомцем, темное, могущественное и, к его несчастью, совершенно ему не подконтрольное. Он уже не мог более владеть собой. Не в силах был. Последним, что он еще помнил, была земля, засыпанная сухими опавшими листьями, которая медленно уходила у него из-под ног.

Сам Антон в тот момент, ни живой ни мертвый, тоже плавно поднялся в воздух. И им овладела некая сила, и также ему не подконтрольная. Но то была сила иная: яркая, светлая. Вот только свет этот был, хотя и абсолютно невесомым, но при этом невероятно жестким, как

сжатая пружина, острым, словно правда, и запредельно горячим. Даже само тело Антона в тот момент раскалилось так, что его одежда не то чтобы сначала почернела, а затем сторела. Она словно бы в миллионную долю секунды истлела от безумно высокой температуры, после чего и распалась почти на отдельные атомы. Одежды на незнакомце также не было. Но она напротив, стала сначала белой подобно снегу, а затем как тысячелетний тлен была унесена прочь и развеяна по ветру.

Двое противников, а точнее два ни живых ни мертвых тела, несколько секунд просто висели в воздухе неподвижно. Они оба уже ничего не могли ни видеть, ни чувствовать. Поскольку подчинялись силам внешним, хотя, возможно, и самым мощным из всех существующих во Вселенной. И, как это ни странно, но в чем-то эти две противоположно-направленные силы были даже схожи друг с другом. Но вот только в чем? Ответ на этот вопрос мог бы дать, наверное, лишь тот, кто их контролировал. Но кто же это был? Неужели же тот, кто сейчас медленно развел эти два полностью лишенных своей собственной воли инертных тела в разные стороны на расстояние примерно ста метров, а затем с запредельной силой и столкнул их.

Да, и это было столкновение. Света и тьмы, холода и жара, лжи и правды. Непримиримое, бескомпромиссное, смертоносное. Один из этих двух противников должен был в тот вечер непременно погибнуть. Но пока гибло лишь все вокруг. Все, что находилось в радиусе нескольких километров. Сначала вспыхнула ярким пламенем лесополоса. Потом как будто бы замерзла. А затем загорелась снова. После чего, обратившись в невесомый серый пепел, была развеяна налетевшим ветром по близлежащим полям. Еще через некоторое время, но напротив, словно бы замерзли жилые дома. Весь поселок, в котором как раз и жил Антон, в мгновение ока покрылся сначала толстым слоем снега, который, правда, почти тут же растаял, но затем замерз опять. Сами же противники тем временем вновь разошлись в разные стороны, но уже на большее расстояние. Между ними было теперь уже километра два-три. И снова сошлись. И это столкновение было еще сильнее предыдущего. И теперь уже во все стороны полетели искры. Яркие, разноцветные. Словно взмыла вверх, вылупившись из своего жесткого овального кокона, первая весенняя бабочка. Которая, взмахнув своими огромными легкими крыльями, на несколько секунд ярко осветила все вокруг. Правда, из-за этих искр вспыхнул вокруг и сам воздух, потом погас и затем загорелся снова. К счастью, все это происходило уже на довольно значительном расстоянии от земли. Поэтому люди, жившие в непосредственной близости от падающих здесь и там искр, почти не пострадали. Они лишь слышали невероятно громкий звук, как от мощного взрыва или от удара грома. Поскольку воздух над ними из-за образовавшейся гигантской пустоты, мгновенно схлопнулся.

Антон и его противник находились теперь уже довольно высоко. В нескольких километрах над землей. Там было исключительно холодно, но зато и невероятно красиво. Звезды над облаками светили очень ярко, почти не замутненные атмосферой Земли. Луна освещала белесым светом верхнюю кромку облаков, а в просветах между ними и саму землю. Вот только Антон и незнакомец ничего этого не видели. Поскольку были полностью подчинены той таинственной силе, которая сначала разводила их в разные стороны, а затем с запредельной жесткостью соударяла. Она, несмотря ни на что, все так и продолжала действовать. И ничто в целом мире, как казалось, не могло бы теперь ее остановить. Все это походило, как если бы некий невидимый великан разводил свои огромные длинные руки в разные стороны, а затем с невероятным грохотом хлопал ими.

Наконец, противники поднялись едва ли не в открытый космос, на высоту свыше двадцати километров. Расстояние между ними, до этого возраставшее с каждым хлопком-столкновением в геометрической прогрессии, стало еще более значительным. Им требовалось уже довольно продолжительное время, чтобы снова сойтись. Хотя и передвигались они со скоростью невероятной. Такой, что не то что современные самолеты, но даже и космические корабли не смогли бы подобной скорости развить. И каковы же были инерционные перегрузки, которым

подвергались эти два лишенных своей собственной воли тела, каковы же были невероятные перепады их температур. Нет, они не были людьми, конечно же, не были.

Но все когда-либо заканчивается. И этот поединок не мог длиться вечно. Находясь уже в нескольких тысячах километрах от того места, где изначально сошлись, Антон с незнакомцем стали снова сближаться. И теперь уже в последний раз. Но им не суждено было столкнуться. Потому что незнакомец во время этого головокружительного параболического полета начал постепенно, за несколько сотен километров до места столкновения, буквально рассыпаться. Внешне это выглядело, как если бы он обратился в черную рыхлую пыль, которую, хотя и сильно разряженный, но все же мощнейший ветер постепенно сдувал с него. Вот уже рассыпались тонкие длинные пальцы его рук, а затем и сами руки. Ноги также едва ли не до колен были оставлены где-то позади. Вот его грудь и спина, и плечи обратились в невесомый чернильный порошок, тут же развеянный встречным ветром. Наконец, осталось лишь только одно его лицо. Причем, оно почти даже и достигло места столкновения, но все-таки, буквально за километр до этого медленно распалось также. И тогда над всей Землей пронесся легкий, едва слышный вздох то ли облегчения, то ли напротив горя. «Аластор», – прошумел порывистый ветер. «Аластор», – прогудели высокие горы. «Аластор», – вздохнули глубокие моря. И, да, – в тот момент все было кончено. Один из вечных и самых страшных демонов Земли был повержен, а его прах развеян по ветру.

Антон же, теперь уже лишенный своего противника, медленно спланировал по наклонной траектории вниз и опустился на то самое место, откуда еще несколько часов назад поднялся в воздух. На нем не было одежды, но он не замерз. Он перенес тяжелейшее испытание, но он не чувствовал себя опустошенным. Ему были нанесены страшные раны и увечья, но он не чувствовал боли. Он теперь вообще почти ничего не чувствовал. Но зато он прозрел и мог видеть. Видеть все то, чего ни один человек на Земле не смог бы никогда. И тем не менее Антон, а точнее тот, кем он стал теперь, лежал еще некоторое время неподвижно. Он словно бы размышлял, в каком направлении ему теперь идти. Что выбрать. Когда-то давно он уже думал о подобных вещах и сделал тогда правильный выбор. Вот и сейчас он должен был для себя решить, опираться ли ему на внутреннюю силу движения или на внешнюю. И так же, как и в прошлый раз, он выбрал путь изнутри. Этот путь был, конечно, несколько более эгоистичным, но он также вел к свету. К вечному свету и выходу из тьмы. Он давал силы и желание жить даже в самых трудных и опасных ситуациях. Единственное вот только, чего не мог теперь Антон, так это оставаться инертным. Неподвижность, остановка, застой означали бы для него смерть. Но зато в движении он был почти неуязвим. И мало какая сила в мире могла бы теперь ему повредить.

Тем временем все вокруг постепенно приходило в свое нормальное состояние. Конечно, насколько это вообще было возможно. Вот где-то вдалеке пробежала взъерошенная серая кошка, словно бы собственным примером подтверждая поверье о наличии у этих пушистых хвостатых тварей девяти жизней. Вот что-то где-то словно бы скрипнуло. Это некая едва очухавшаяся от только что схлынувшего запредельного ужаса лесная птица попыталась исполнить свою позабытую на время ночную песню. А тут даже и проползло что-то по полю, насекомое какое-то. Вот только люди из соседнего поселка никак не приходили в себя. Нет, они, конечно, были живы. Однако духовная катастрофа, разразившаяся в тот поздний вечер так близко от них, слишком уж сильно на них подействовала. Залаяла где-то собака, потом завyla. Зазвенела сигнализация поселкового магазина. Да так и звенела без умолку, пока что-то не коротнуло в ее старой, давно проржавевшей электропроводке. Застрекотал вертолет, и возник посреди ночного неба блуждающий луч мощного прожектора.

И все же, хотя это и могло показаться немного странным, последствия минувшего столкновения ощущались не только поблизости, но и в весьма удаленных от этого тихого подмосковного поселка местах. Даже в иных странах, да и вообще по всей Земле произошло тогда

нечто удивительное. Люди, которые до этого крепко спали и видели сны, все вдруг проснулись, причем разом. А те, которые не спали, ощутили сильнейший припадок меланхолии. Они даже на некоторое время словно бы опьянели, хотя и не пили до этого ничего. По той же причине случилось в разных районах земного шара несколько незначительных техногенных катастроф. Но все обошлось благополучно, без человеческих жертв. Так что материальный ущерб от произошедшего был, в общем-то, невелик. Чего нельзя было, конечно, сказать об ущербе моральном. Точнее, и правильнее даже в этом случае, наверное, было бы говорить и не об ущербе как таковом. А скорее о чем-то ином, быть может, даже противоположном. Поскольку в тот момент люди Земли словно бы освободились от крепких невидимых пут, сжимавших их тысячелетиями и мешавших им свободно жить и дышать. Всеми теми долгими, однообразно сменяющимися веками, в течение которых существовала и с огромным трудом развивалась человеческая цивилизация. Они вдруг почувствовали невероятный, пьянящий, головокружительный всплеск творческого вдохновения и едва ли не восторга. Ощутили себя морально свободными.

8. Звезда

Антон лежал на тропинке лицом вниз. Правда, эта, бывшая теперь уже тропинка, была покрыта толстым слоем пепла, так что Антону пришлось даже немного разгрести его руками, чтобы свободно дышать. Глаз он не открывал и даже не шевелился. Ему и так сейчас было очень хорошо, в полном покое. Голова все еще немного кружилась и в ней хаотичным вихрем носились разные мысли наподобие: «Что это такое было» и «что с ним будет теперь». Однако одно Антон знал наверняка: он был жив. Он еще мог двигаться и дышать, а значит все было не так уж и плохо. Мысли об исчезнувшем незнакомце он гнал от себя, поскольку они причиняли ему едва ли не физическую боль. И все-таки нужно было сейчас что-то предпринимать. И вне зависимости от пережитого как-то продолжать думать и жить. Да и не лежать же ему тут, в самом деле, в таком вот виде, на совершенно открытом месте.

Антон чуть приподнялся на локтях и, слегка помотав головой, спокойно открыл глаза. Вспышка! Он увидел ярчайшую вспышку, как будто перед ним зажгли целую гору азотнокислого магния. И это опять была боль. Он зажмурился и, даже как-то невольно скрючившись, прижал ладони к закрытым уже глазам. «Да, так было немного легче, – причем не столько подумал, сколько почувствовал он. – Но что же это, что же это опять? Что со мной и когда все это закончится? – только и успевал он задавать себе эти невольные вопросы. – Почему все напасти мира и опять на него, на него одного?» Антон теперь уже лежал не шевелясь и все в такой же скрюченной позе, не отводя ладоней от своих глаз. Мысли вновь стали путаться. Однако посреди всего этого невероятного сумбура все яснее и отчетливее стала проступать одна из них. Неприятная, болезненная и очень пугающая: «Я ослеп». Да и действительно, что могло случиться такого, причем не с ним даже, а с одними лишь его глазами, чтобы он не мог и на секунду их открыть. И откуда взялся весь этот яркий свет, ведь сейчас была поздняя ночь, а, значит, напротив, вокруг должно было быть темно. Объяснение, впрочем, не заставило себя долго ждать: «Я сжег себе сетчатку, вот и все. Вот так все просто. И страшно. И теперь навеки останусь убогим инвалидом, влачащим жалкое существование. Не могу увидеть ни любимого лица, ни цвета, ничего». Слезы хлынули у него из глаз. От обиды, несправедливости жизни и от собственного бессилия что-либо изменить. Антон чуть слышно завыл.

К нему прикоснулась чья-то рука. «Наверно, спасатели, – подумал он поначалу. – Ан нет, уж больно маленькая что-то». И действительно, по телу Антона, по его голове, волосам и спине скользила чья-то маленькая, совсем еще детская ручка. Вот уже и вторая рука до него дотронулась. А потом вдруг возник и голос:

– Потерпи, «кротик», потерпи. Сейчас станет легче.

Да, и точно, Антону вдруг на миг показалось, что ему стало немного лучше. И что даже боль в глазах, которую он все еще испытывал, стала как будто слегка проходить. Он вновь попробовал их открыть. И опять – вспышка. Он снова с усилием сжался в комок и опять чуть слышно завыл.

– Нет, «кротик», нет, не открывай глаза...

Потом последовала пауза. Некто, тот кто сейчас трогал его руками, руки эти внезапно отдернул назад и более уже к нему не прикасался. Антон попытался было поводить рукой по воздуху, чтобы хоть как-то нащупать того, кто с ним говорил, но не смог.

– Лежи, лежи смирно, – услышал он тот же голос, – не шевелись.

Это был явно детский голос. Это чувствовалось по интонациям и тембру. «Но почему здесь, и откуда? – подумал Антон. – И что этой девочке тут надо? Неужели же она пришла из нашего поселка, чтобы помочь?» Он вновь поводил рукой. И на этот раз его рука действительно натолкнулась на что-то мягкое и теплое. Он отдернул руку.

– «Кротик», не мешай, – сказала девочка, – а то я тут долго с тобой провожусь. А мне и другим помочь надо.

– А пострадавших много? – сквозь запекшиеся губы кое-как процедил Антон.

И вновь последовала пауза.

– Мама, мамочка! – на этот раз девочка почти закричала, – тут «кротик» живой, и он меня слышит!

Потом послышалось некое невнятное шебуршание и вновь наступила тишина.

– Ах да... – как-то досадливо проговорила девочка, – здесь же не ловит. – И она вновь пробормотала что-то, но уже про себя, Антон не разобрал. – Но ведь, – девочка обратилась теперь уже к нему, – ты же не можешь меня слышать.

– Почему не могу, – вновь с трудом прохрипел Антон, – очень даже могу и слышать, и... – он на миг вдруг запнулся, но продолжил, – вот только глаза болят. Ничего не вижу, один яркий свет.

– Ой-ей-ей, мама! – девочка опять обратилась к кому-то и, по всей видимости, вновь безуспешно. – Мама, – продолжила она почти что кричать, – тут «кротик»... видит...

Антон ничего на это не сказал. Он не понимал, о чем этот ребенок. «Ну да, – „мама“, это понятно. Все дети зовут маму, когда их что-нибудь пугает. Но почему „видит“? Или она со страху все перепутала?» Тем временем девочка стала водить своими ручками по его рукам, а потом, чуть отодвинув их, дотронулась до его век.

– Что ты сейчас видишь? – спросила она его уже более серьезным тоном и почти спокойно.

– Ничего, – ответил Антон, – только красное что-то, словно свет бьет прямо сквозь веки.

– погоди, «кротик», – проговорила девочка, – сейчас...

Тут она что-то там у себя поделала, Антон не разобрал, и вновь дотронулась руками до его пальцев.

– Подними глаза, посмотри как будто наверх, я сейчас постараюсь тебе помочь, – сказала она. – Не бойся, это не больно. Это лепестки Аолы, они как линзы, они помогут тебе. Я совсем немного приподниму твои веки и установлю их. Ты только не дергайся. И руки убери, – проговорила она наконец уже почти строгим тоном.

Антон подчинился. Потом закатил глаза. А девочка, действительно вставила ему что-то под веки, тонкое гибкое и очень мягкое. Потом она веки его аккуратно поправила и отпустила.

– Все, «кротик», – проговорила она с чувством, – смотри!

И Антон открыл глаза. Никогда еще, никогда в своей жизни он не видел ничего подобного. Сказать, что он удивился, это не сказать ничего. Он был ошеломлен, поражен, раздавлен. Он даже невольно открыл рот от изумления. А глаза его, словно и вовсе уже не подчиняясь его воле, просто-таки стреляли в разные стороны то туда, то сюда. Он смотрел и не мог насмотреться. Он любовался и не мог даже осознать того, что видел. Он наконец по-настоящему понял, о чем говорила эта девочка, – он прозрел.

Антон даже не сомневался в увиденном, он отчего-то знал, что все это не могло быть галлюцинацией. Какой-то внутренний голос говорил ему, что он видел реальный мир, полный мир, мир во всей своей красе. Потому что не бывает таких оптических иллюзий, просто не может быть. Что никакое сознание даже и близко не способно воспроизвести того, что было сейчас перед ним.

Девочка стояла неподалеку и молчала. Она даже не улыбалась, а просто смотрела на своего пациента спокойно и очень внимательно. В ее взгляде был и испуг, и восхищение, и еще что-то. Трудно было сказать что именно. Но она была поражена явно не меньше, чем сам Антон. Наконец пауза завершилась.

– Что это? – тихо произнес Антон дрожащим от страха и волнения голосом.

– Звезда, – спокойно ответила девочка.

– Мы на звезде? – уточнил Антон.

– Да, – ответила девочка, – и очень хорошо, что ты, «кротик», ее видишь. Это Арон, центральная звезда нашей системы. Она очень яркая и без защиты здесь вообще нельзя, – девочка указала на свой костюм.

Антон пригляделся. Да, ребенок и вправду был одет во что-то... во что-то странное. Словно бы сотканное из листьев и цветов. «Фея», – подумал про себя Антон чуть улыбувшись. Девочка действительно в тот момент очень походила на маленькую, чудесную, волшебную фею из детских сказок. Но вообще, как ни странно, выглядела она почти так же, как и обыкновенные, простые дети, которые стайками бегали по их поселку летом, а зимой катались на санках и коньках. Вот только глаза у нее были чуть другие. Зеленые какие-то. То есть совершенно зеленые, да еще и с ярко выраженным салатovým отливом.

– Ты меня видишь, «кротик»? – вновь спросила девочка.

И хотя она точно уже знала, что Антон видит ее, – просто ей хотелось уточнить.

– Да, хорошо вижу, – ответил Антон. – Но я все-таки еще не совсем понимаю, что это. Мне даже показалось что ты сказала... – он посмотрел по сторонам.

– Звезда, – повторила девочка. – Мы на звезде. И это – то место, куда большинство из вас попадает после смерти. А потом сгорает внутри. Но... – она посмотрела куда-то вниз, – вы ничего этого не видите и не знаете. Потому что вы слепые. У вас иммунитет к ее свету и теплу. Вы ничего не чувствуете и поэтому не понимаете. Да вы и ослепли бы сразу, – она с явной жалостью посмотрела на Антона, – если бы вдруг прозрели. А так, – живете себе спокойно в неведении.

– Но ведь, – задумался Антон – он теперь мог уже более или менее нормально соображать, – звезды же большие. Как же эта, как ты говоришь, звезда Арон, может быть тут в Земле?

– Ой, «кротик», какой ты глупый, – девочка тихо засмеялась. – Ну как же можно сравнивать живое и неживое? Да разве и правильно судить по размерам о том, что внутри? Ведь даже вы сами, люди, – ну как вас можно оценивать по вашей величине? Здесь же на Земле обитает много животных, которые намного крупнее вас. Однако по знаниям и внутреннему миру вы по сравнению с ними просто гиганты.

– То есть ты хочешь сказать, что этот Арон живой?

– Конечно, живой, – ответила девочка, – потому-то он и помещается в Земле. В смысле же знаний и души – это настоящая звезда. И она действительно огромная.

– И люди попадают на нее после смерти? – Антон не переставал задавать вопросы.

– Да, – ответила девочка. – Когда они умирают, они начинают видеть и даже чувствовать немножко. Не сразу, конечно, а постепенно. Однако, – она вновь внимательно посмотрела на Антона, – я никогда не слышала, чтобы вы могли прозреть при жизни.

Антон промолчал. Все это было так странно и даже нелепо, что у него просто не было слов. Как же он, простой, ничем не примечательный служащий мог вот так запросто взять и увидеть все то, чего не видел никто и никогда. Весь этот чудесный свет, что шел из-под земли. Все то сияние, яркое, прекрасное, удивительное. И почему никто не видел этого сияния прежде, и не мог? Много еще вопросов было у него в голове, а задавать их сейчас, в таком месте, да еще, с позволения сказать, таком вот виде он попросту постеснялся. Но девочка решила за него все сама.

– Прощай, «кротик», – произнесла она тихо. – Я не могу более здесь оставаться, нельзя мне. У нас, элов нет иммунитета к свету звезд, а здесь очень жарко. Но прошу тебя, – она внимательно посмотрела на Антона, – помоги другим. Их много еще тут, – она указала в сторону поселка. – Ты можешь теперь.

Тут она вплотную подошла к Антону, взяла его за руку и прикоснулась к ней своими губами.

– Да, – продолжила она, – ты можешь теперь лечить, я чувствую. Помоги им, «кротик».

После этого девочка повернулась немного в сторону и, с усилием сложив губы, громко свистнула. И тут же послышались очень мощные взмахи гигантских крыльев. А вот уже и ветер с весьма приличной силой толкнул Антона в спину, и наконец откуда-то сверху чуть ли не камнем спикировало вниз огромное серое чудище. По виду так настоящий доисторический птеродактиль. Девочка ловко запрыгнула на него, посмотрела на Антона еще раз и, коротко присвистнув, взмыла в воздух.

– Люн, меня зовут Люн, – крикнула она уже издали и даже не обернувшись.

Сам же Антон, провожая ее взглядом, отчего-то размышлял теперь лишь об одном. Он вот никак не мог для себя понять, чего же в этой девочке было не так. Ну, ребенок как ребенок. Конечно, не человек явно, хотя и выглядит как нормальная девочка. Однако сейчас, почти уже не видя ее, он вдруг осознал, что это было. Девочка была полупрозрачной.

Наконец она совсем скрылась из виду, затерявшись где-то высоко в облаках, а сам Антон, чуть понурив голову, пошел по направлению к своему поселку. Он теперь специально вздымал босыми ногами клубы пепла и мягкой выгоревшей пыли. А откуда-то из под нее, снизу, с невероятной глубины, прорезая неживую земную твердь, сияла яркими, разноцветными, но теперь уже вовсе не слепящими лучами огромная, горячая, живая звезда.

9. Мертвица

Антон посмотрел по сторонам. Вокруг было темно. То есть за исключением, конечно, того света, что шел снизу. Но фонари вдалеке по сторонам асфальтовой дороги не горели, да и сам весь поселок был погружен в темноту. «Электричества, наверное, нет, – подумал Антон. – Хорошо еще, что я теперь могу вот просто так видеть. А то бы, наверное, вообще не знал куда идти». Да и действительно, небо к тому времени уже совсем заволочло взявшимися невесть откуда облаками, поэтому ни звезд, ни луны видно не было. Даже вертолет, который еще несколько минут тому назад разрезал своим прожектором непроглядный сумрак осенней ночи, тоже куда-то улетел.

Антон остановился. С тропинки, по которой каждый вечер шел от станции до дома, он сбился уже давным-давно. Да сейчас и не было никакой тропинки. Лесополоса тоже совершенно пропала, выгорев, по всей видимости, дотла. А поле, обычно сырое и ухабистое, все было покрыто ровным слоем серого пепла. Так что по какому пути было сейчас идти, казалось совершенно безразличным. Антон пошел просто, напрямки, даже не пытаясь разобрать дороги. Под мягким слоем теплого пепла чувствовались все те же ухабы давным-давно перепаханного под пары и какого-то заскорузлого поля. Однако они были совсем не жесткими. И когда Антон наступал на них, крошились и рассыпались мелким песком под босыми его ногами. И тут он неожиданно наступил на что-то твердое или даже острое, отчего и отдернул ногу. «Вот черт, камень что ли?» – выругался он про себя. После чего посмотрел на то место, куда только что наступил. Да, действительно камень. Он поднял его, очистил от пепла и пригляделся. В флуоресцирующем сиянии подземной звезды камень выглядел как-то странно. Он казался почти полностью прозрачным, отчего, слегка искрясь, переливался различными цветовыми оттенками. «Стекло, – решил Антон поначалу, – но откуда здесь? Странно». Он поглядел по сторонам. Нет, других таких стекол что-то нигде видно не было. «Хотя, нет... вон там еще какое-то светлое пятно виднелось из-под слоя пепла. И вон там еще». Антон пошел посмотреть.

Собирая все эти стекла, он не переставал удивляться какой-то странной, словно внутренней их красоте. Впрочем, стекол вокруг было не слишком много. Поэтому, набрав две полные горсти, он еще раз огляделся по сторонам и, удовлетворенно хмыкнув, пошел уже не останавливаясь по направлению к дому. Там он быстро нашел запасной ключ, который прятал под собачьей конурой. Сам же пес, Дружок, сейчас где-то пропал. Хотя Антон никогда и не сажал его на цепь и даже не всегда надевал ошейник, за что пес был ему всегда очень признателен. Отперев входную дверь, он прошел на терраску. Потом была еще одна дверь, на кухню, потом коридор и наконец зал. В зале он вывалил подобранные в поле стекла на стол и полез в платяной шкаф поискать свечи. «Они же здесь где-то все были», – ворчал он про себя, некоторое время копаясь во всяком тряпье на средних и нижних полках шкафа. Наконец он нашел, что искал. И даже некое подобие подсвечника в виде маленького железного блюда обнаружилось тут же. За спичками он сходил на кухню, после чего вернулся в большую комнату и зажег наконец свет.

Комната осветилась тусклым сиянием парафиновой свечки. Но сейчас и этого было вполне достаточно, поскольку вокруг была крошечная темнота. Да еще и тихо так. Антон чуть поежился, и вместе с этой, слегка вздрагивающей от движений воздуха свечей, прошел на кухню к умывальнику, где и глянул на себя в зеркало. Оттуда на него посмотрело совершенно незнакомое ему лицо. Он никогда еще не видел себя таким, даже в детстве, когда лазил с мальчишками по разным интересным и не очень местам. Его мать, весьма умная и добрая женщина, всегда очень терпеливо относилась к подобным его вылазкам и почти никогда не ругала. Даже когда он и возвращался домой совсем уж чумазым. Но такого вот как сейчас он не видел еще никогда. Он был грязен как черт. И только глаза его выделялись яркими белыми пятнами на фоне совершенно чернющей, посыпанной серым пеплом физиономии. Антон открыл воду.

Ура, вода была. Он немного опасался, что вода вместе со светом пропала также, но этого, к счастью, не произошло.

Мылся он долго и с наслаждением. Несколько раз ему пришлось даже сходить на терраску, чтобы принести оттуда сначала таз, потом тряпку, потом мочалку и еще какую-то мелочь. В общем же, он устроил себе на кухне почти настоящий душ. Он даже помыл голову с мылом, поскольку волосы его, теперь все слипшиеся и какие-то заскорузлые, более походили на взъерошенную дворовую метлу. Наконец процедура закончилась. Антон тщательно вытерся полотенцем, натянул на себя что-то из одежды и прошел обратно в зал. По дороге он несколько раз пощелкал в комнатах выключателями. Но нет, света по-прежнему не было. В зале он поставил свечку на стол, поудобнее устроился в кресле, в котором обычно смотрел телевизор, и стал размышлять.

Воспоминания о столкновении с незнакомцем он все еще гнал от себя. Но вот эта девочка, Люн, его очень занимала. «Странное существо, – думал он. – И не человек, вроде, а выглядит как человек. Летает еще на какой-то крылатой зверюге, тоже явно неземного происхождения. Руками лечит. Ведь она – тут он потрогал свой бока – действительно помогла мне. Ведь и не болит уже совсем ничего, даже если и болело. Потом, этот ее голос, добрый такой, словно бы знакомый. Да и сам язык. Ведь он каким-то образом понимал ее тогда, хотя и говорила девочка явно на незнакомом наречии. Или на знакомом?» Он не мог точно вспомнить. Уж слишком быстро все произошло, отчего в голове у него был по-прежнему какой-то сумбур. О звезде, которая находилась глубоко под землей и слабо светила даже сейчас, прямо сквозь пол его дома, Антон решил пока не размышлять, ограничившись лишь соображением, что древние, похоже, все-таки были правы, утверждая, что преисподняя находится где-то там, в глубине.

Делать было совсем нечего. Дождаться ли рассвета или пойти все же спать? Антон не знал, что лучше. Конечно, с одной стороны, сон был бы сейчас ему очень полезен. Но как он мог? Как мог он уснуть после всего, что с ним произошло? Ведь ни один человек на свете не смог бы выдержать этого. Но ведь он тоже был человеком? Да, верно, человеком он именно был, вот уже как двадцать шесть лет. А прежде? Что с ним было до того, как он стал человеком? «Космос, черный лед, свет, опять космос, что-то еще...» – Антон не мог вспомнить. Что-то мешало ему. И это была не столько даже память, а точнее ее отсутствие. Это было что-то иное... Он попытался было вспомнить еще раз, но уже с усилием, и вдруг почувствовал, – резкую боль. Это опять была боль. И тогда, очень давно, тоже была сильная боль, отчего он просто не в состоянии был сейчас вспомнить все. Эта боль словно бы затуманивала его разум, делая те, очень далекие теперь уже воспоминания просто невыносимыми. А значит ему ничего другого не оставалось, кроме как оставить их на время в покое, не беречь. Но – и это он теперь уже знал наверняка, – тогда тоже что-то было.

Антон встал, пару раз прошелся по комнате, потом остановился, подумал еще о чем-то и задул свечку. После чего спокойно прошел к своей кровати – он мог бы найти ее даже с закрытыми глазами, – скинул с себя одежду и залез под такое привычное, легкое, но вполне удобное одеяло. И почти сразу уснул. Хотя, прежде чем успел уснуть, ему на миг вдруг показалось, что в комнате с ним кто-то был. Но кто это был, Антон не знал, конечно. Возможно, он на самом деле уже спал тогда. А приснилась ему просто его мама, которая стояла там, в дальнем углу и спокойно на него смотрела. Потом, и это уже точно во сне, он видел зеленый лес и речку с каким-то чудным названием. Они тогда, давно еще, вместе с отцом ездили к его тетке в деревню в какую-то область, он не помнил точно в какую, но где-то на северо-западе. Кажется, в ленинградскую. Там все время было довольно сыро и очень свежо. Хотя, почему так, он догадался даже во сне. Потому, что там как раз и находилась та самая речка с таким вот чудным названием – «Мертвица». Вот уж глупость какая. Антон поворочался прямо во сне. И долго потом они еще добирались на старой скрипучей лодке с одним поломанным веслом до

небольшого лесного озера, в которое та речка впадала. И ловили там рыбу. После чего жарили ее прямо на костре, а точнее запекали в углях. А потом... Антон проснулся.

Он не знал почему так. Что его разбудило. В комнате было все так же темно. Тикали настенные часы да что-то где-то поскрипывало в старом, давно не отремонтированном доме. Дом этот Антону еще от бабки достался, когда та померла. А он все только и собирался, что сделать в нем хоть какой-то ремонт или хотя бы немного подновить. Да все что-то недосуг было. Поэтому ничего удивительного в том, что дом поскрипывал, конечно же не было. Антон прислушался. Нет, теперь даже поскрипывание пропало. Ан нет, вот опять. «Ну что же, – подумал он, попытаюсь себя успокоить, – скрипит старая развалюха и пусть себе. Не мучиться же мне теперь из-за этого до утра? Спать нужно». Антон перевернулся на другой бок лицом к стене. «Нет, так было еще страшнее», – он все-таки, пусть и не нарочно, но произнес это слово, видимо, постепенно начиная осознавать, что именно мешало ему уснуть и почему он проснулся. Он чего-то боялся. Трудно было сказать чего именно. Он повернулся назад. Открыл глаза, огляделся. И ему вновь показалось, что в комнате с ним кто-то был. Он закрыл глаза.

Нет, это было просто невыносимо. Вот так лежать и думать, что в комнате еще кто-то есть, что он стоит там в углу и смотрит на тебя. А может быть в дверном проеме? А может ему лучше было просто плюнуть на все и спать. А может взять и выпить? «Вот, – обрадовался Антон, – вот хорошая мысль, выпить! И это нужно было сделать прямо сейчас. А то так и вправду можно до самого утра проворочаться. Да к тому же еще после всего, что с ним произошло этим вечером, расслабиться было бы, наверное, даже полезно». И он открыл глаза.

Антон не закричал и даже не шевельнулся, хотя этого ему и очень хотелось. Он так и остался лежать в своей постели без движения, и словно бы чего-то ожидать. Или это было просто оцепенение? Ему почему-то даже и не было в тот момент особенно страшно, поскольку он увидел именно то, что и предполагал, и отчего так и не смог в тот поздний час как следует заснуть. С ним в комнате кто-то был.

Это было нечто едва различимое в ночной темноте, чуть более светлое, чем сама темнота. Некая белесая тень словно бы нависала над полом в дальнем пустом углу его комнаты. Антон пригляделся. Ему очень хотелось протереть глаза, но он не решался пошевелить руками. Он просто медленно поднимал и опускал веки, надеясь, что это видение как-то само-собой исчезнет, растает как дым. Ему даже пришлось один раз сильно ущипнуть себя за ногу, чтобы убедиться, что все-таки не спит. Но нет, он не спал. А этот призрачный посетитель все так и продолжал стоять в дальнем углу неподвижно. Глаза Антона теперь уже совсем привыкли к ночному сумраку, отчего он смог наконец более или менее отчетливо разглядеть своего гостя. Это была женщина. Обыкновенная, простая, каких очень много было в городе, да и здесь в его поселке. Довольно изящная и хорошо сложенная. Одета она была во что-то светлое. Лица ее Антон, конечно, не мог в подробностях разглядеть, но оно, и в этом он был почему-то абсолютно уверен, было красивым.

Наконец Антон, преодолевая все еще мешавший двигаться страх, приподнялся на одном локте и слегка вытянул вперед голову. Женщина не шелохнулась. «Надо бы зажечь свечку, – подумал он, а то мы так с ней и впрямь до самого утра тут будем смотреть друг на друга». То обстоятельство, что его посетителем оказалась именно женщина, его почему-то немного успокоило. «Ведь женщины, существа в большинстве своем довольно покладистые и мягкосердечные, а значит нельзя от них ожидать чего-то совсем уж плохого», – продолжил он как-то глупо размышлять. Однако то, что произошло через несколько секунд, буквально заставило его, причем не то чтобы переменить свои мысли, а на некоторое время и вовсе отказаться от них. Да он, на самом деле, и не мог тогда нормально соображать, не мог он по-прежнему и пошевелиться. Жуткий страх, холодный и безжалостный буквально сковал его по рукам и ногам, потому что женщина эта начала двигаться. И это было такое движение, от одного которого можно было легко сойти с ума и прямо там на месте. Что-то внутри ее тонкого изящного тела приглушенно

хрустнуло и она, совершенно раскоординировано, переступая с одной ноги на другую, стала медленно продвигаться по направлению к его кровати. Она даже делала отмашки руками как-то неправильно. То есть правая ее рука шла вперед вместе с правой ногой, а левая с левой. Все движения женщины были похожи на движения большой кукольной марионетки, управляемой кем-то извне. Даже голова ее как-то резко, короткими рывками наклонялась сначала в одну сторону, а затем в противоположную.

Наконец Антон не выдержал. Он вскочил на свою кровать и, крепко прижав руками к груди одеяло, попытался было закричать, но вместо этого вдруг как-то глупо заскулил. А потом, пару раз сухо сглотнув, совершенно неестественным, почти свистящим хрипом все же смог выговорить: «Да что же ты за тварь-то такая!» Женщина в тот же миг на секунду остановилась, повернула наискось свою разлохмаченную голову и посмотрела на Антона. И вот уже после этого и сам Антон не смог бы, наверное, даже закричать. Потому, что смог наконец разглядеть лицо женщины. Ведь она теперь стояла уже совсем близко от него, почти вплотную к его кровати. И это было неживое лицо. Да, женщина была мертвой. «Тварь, тварь, гадина», – бешено носились у него в голове хаотичные мысли. Но он уже не мог ничего: не кричать, не пошевелиться. Он просто смотрел в оцепенении на все приближающуюся к нему белесую тень. Вот он уже ощутил слабый холодок, а вот и запах: мерзкий, затхлый, словно из давно заброшенного, прогнившего старого колодца. А вот и прикосновение, – ледяное. Женщина теперь уже вся взобралась к нему на постель и, почти нежно взяв одной рукой за его руку, в упор посмотрела на него. А потом, тихо выдохнув, прижалась к нему всем телом. И это было сырое тело, холодное, отвратительное. В тот же миг Антон почувствовал, как словно бы несколько твердых скользких щупалец буквально обхватили его. Они сжимали его все сильнее и сильнее, пытаясь как удав задушить и раздавить свою жертву. Женщина закинула ему на бедра свои ноги, а руками обхватила за шею. И вот этого уже Антон не перенес.

Он вдруг почувствовал, что в нем что-то переменялось. Он уже не мог больше вот так просто стоять и ждать пока его убьют. А его хотели убить. Он почувствовал это. Отчего молча, спокойно, не издавая ни единого даже шороха, развел руки сначала в стороны, а затем и изо всех сил ударил ладонями женщину в грудь. Удар этот оказался сильным. Неожиданно сильным. Поскольку даже сам он в результате обратной отдачи буквально врезался в стену, что была за его спиной. Страшная же посетительница его дома отлетела к стене противоположной. То есть сразу метров на пять. И это было явно неожиданным для нее. Поскольку ударившись о стену, она издала такой мерзкий и протяжный вой, что даже сам Антон невольно зажал уши руками. После этого женщина, или то, что казалось ей, вся как-то неестественно изогнулась и словно огромное мерзкое насекомое прижалась сначала руками и ногами к противоположной стене, а затем и поползла по ней. Эта тварь залезла сначала под самый потолок. Потом посмотрела своими пустыми водянистыми глазами на Антона, вывернув едва ли не на пол оборота назад свою шею. После чего спрыгнула на пол и стала вновь к нему приближаться.

Однако Антон теперь уже отчего-то совсем не боялся. Какое-то странное чувство больше похожее на боевой раж овладело им. Он даже принял некое подобие боевой стойки, приготовившись отразить новое нападение. После чего стал спокойно думать и одновременно, не сводя глаз с твари, потихоньку отходить боком по направлению к столу. Там он аккуратно нащупал коробок со спичками, и совсем уже не дрожащими пальцами зажег свечку.

В тот же миг тварь вся буквально ошетибилась, вспрыгнула на ноги и начала такими же мелкими рывками отходить в сторону от центра комнаты и подальше от света. Антон сразу понял, чего боится существо, отчего, взяв в руку свечу, быстро пошел прямо навстречу опасности. Тварь явно не ожидала такого агрессивного поведения от своей жертвы, отчего снова завывла. И на этот раз это было похоже на некое протяжное «мяуу», что заставило Антона даже хмыкнуть. Он теперь уже совсем не боялся твари. Теперь она боялась его. Отчего забила сначала в дальний затененный угол комнаты, за шкафом, потом опять полезла на стену и

наконец, видимо от безысходности, сквозь эту стену словно бы просочилась и исчезла. Антон поставил свечку на стол.

После этого он подошел к своей измятой и испачканной какой-то гадостью кровати, сел на нее и попытался было хоть о чем-то подумать. Не важно о чем, лишь бы просто думать, думать и не сойти наконец с ума. Но в голове у него крутилось лишь одно только это дурацкое название той небольшой речушки в какой-то там области, которое он теперь, наверное, никогда уже не сможет забыть: «Мертвица, мертвица, мертвица».

10. Объяснение

Антон проснулся поздним утром. На улице было уже совсем светло и солнце, поднявшееся высоко над деревьями, ярко светило сквозь так и не зашторенное еще с вечера окно комнаты. Часы, которые ночью так страшно тикали, вызывая одним своим звуком всякие нехорошие предчувствия, показывали теперь уже почти половину одиннадцатого. «Ого, – сказал Антон сам себе, – и как это я умудрился так долго проспать?» Он действительно был немало удивлен, что все-таки смог, несмотря на все ужасы минувшей ночи, каким-то чудом уснуть. Хотя, наверное, все это и нельзя было назвать вполне нормальным сном. Если только вообще не нервным обмороком, который как раз сном без сновидений и завершился. Об этом говорила хотя бы сама та поза в которой он спал, – полусидя. Видимо, тогда еще, посреди ночи, он как сидел на своей истоптанной и измятой постели, так, даже не разогнувшись, и завалился головой на подушку. Сама же подушка была сейчас немного влажной, причем явно не от пота. Антон, похоже, плакал этой ночью и прямо во сне. Измотанные запредельным напряжением нервы все-таки давали о себе знать.

Но теперь все было совсем по-другому. Наполненная яркими лучами просторная комната, посвежевшая голова и даже какое-то игривое настроение. Все это было так непохоже на то, что происходило вчера. Антон бодро потянулся и встал. Он еще какое-то время осматривался по сторонам, словно не до конца веря в реальность происходящего, а также в то, что все ужасы минувшей ночи остались позади. И тут он вдруг опять почувствовал, и снова почти инстинктивно, что на него кто-то смотрел. Однако на этот раз Антон не испугался. Видимо, и у страха тоже есть какой-то свой непреодолимый предел, когда человек уже просто не может бояться больше. Так и он, уверенно и очень спокойно посмотрел сначала в тот злополучный угол комнаты, потом в другой угол, за шкафом, потом в дверной проем, а затем в окно. И точно, чуть повыше подоконника, затененные косым выступом от угла дома, на него смотрели два прищуренных зеленоватых глаза. Но эти глаза были совсем не такими, как ночью. Это были глаза добродушные, озорные и радостные. Антон буквально подскочил к окну:

– Люн, – едва не закричал он, – когда с высоты своего роста разглядел всю девочку целиком. Она, похоже, пряталась там у стены, решив немного подшутить над ним.

Девочка же, увидав, что ее наконец обнаружили и более того очень ей рады, также выпрямилась и, немного приподняв правую руку, приветливо помахала ему в ответ. Антон тут же быстро прошел через коридор на кухню, а за ней уже и на терраску, где открыл входную дверь. Однако девочки на пороге не оказалось. Тогда он вышел прямо босиком во двор на мощеную камнем дорожку, что шла по его участку вокруг дома. Но и у окна девочки тоже не было. «Вот уж еще, – как-то внутренне заулыбался Антон, – она тут теперь в прятки со мной играть будет». После чего все таким же быстрым шагом вернулся назад к себе в комнату.

То, что он там увидел, его несколько озадачило. Нет, он был даже очень сильно удивлен, если не сказать, – шокирован. Люн уже сидела в его комнате за столом и разглядывала стекла, которые он подобрал этой ночью в поле.

– Слушай, кротик, – начала она спокойно и без малейших предисловий, – подари мне один такой камень, – она указала на кучу стекол на столе. – Уж больно они у тебя красивые.

– Это простые стекла, Люн, – возразил ей Антон с легкой укоризной, – и они не стоят ничего. Но если хочешь, то бери. Бери их все.

– Спасибо, – ответила девочка вежливо, – но я только одно на память возьму, можно?

Антон пожал плечами. А затем подошел к столу, сел напротив нее и, подперев одной рукой голову, с чувством произнес:

– Ты даже не представляешь себе, как я тебе рад!

На это девочка как-то недовольно фыркнула, после чего посмотрела немного в сторону, в окно. Однако щеки ее, несмотря на такую неодобрительную реакцию, все же слегка порозовели в тот момент, явно свидетельствуя, что такое простодушное признание было ей очень приятным.

– Ты даже представить себе не можешь, – продолжил Антон, с трудом сдерживая буквально накатывавшие на него подобно морским волнам эмоции, – что со мной вчера было!

– А что с тобой было? – осведомилась Люн спокойно. Она явно умела владеть собой, отчего и не позволила эмоциям разыграться. – Ты мне лучше вот что скажи, кротик, – продолжила она все тем же прохладным тоном, – почему ты никому не помог вчера, я же просила.

На это Антон не нашелся, что ответить. Он лишь в немом изумлении смотрел на Люн и как-то глупо хлопал глазами. Ему очень хотелось рассказать ей все, или даже нет, просто выпалить ей то, что произошло с ним этой ночью. Однако слова буквально застряли у него в горле. К тому же, несмотря на свою относительную молодость, он все-таки был уже вполне состоявшимся мужчиной, почти взрослым. Поэтому немного засомневался, стоит ли ему пересказывать ей все то, что, возможно, было просто ночным кошмаром.

– Люн, – произнес он наконец, – давай лучше о чем-нибудь другом поговорим. Да вот о тебе хотя бы. Ведь ты мне так ничего толком и не рассказала вчера. А мне все же интересно узнать, что это такое было и почему я теперь вижу тебя.

– Так ты обо мне или о себе все же хочешь поговорить? – осведомилась Люн, слегка улыбнувшись. Она, конечно, совсем не сердилась сейчас на Антона за то, что он не исполнил ее просьбу. Ведь она не могла не понимать, что хотя он и не был вполне обыкновенным человеком, но все же он и не был таким как она. А значит те события, произошедшие всего-навсего несколько часов тому назад, не могли не оказаться для него сильнейшим потрясением. – Тут вот что, – продолжила она все так же спокойно после короткой паузы, – то что ты видишь: и меня, и звезду под землей, да и много чего еще, не могло тебе открыться случайно. Какая-то неведомая метаморфоза произошла в тебе. Признаться, я и сама не знаю какая. И все это очень странно, – она посмотрела на Антона внимательно и задумчиво. – Однако, если оставить причины, то все, что произошло с тобой, просто нельзя назвать чем-то иным, кроме как чудом, и чудом хорошим. Потому что, согласись, лучше все-таки видеть, чем оставаться слепым.

Антон был несколько удивлен или даже озадачен такими рассуждениями. Причем, не столько именно смыслом их, который он все еще никак не мог для себя постичь, а самим характером. Ведь эта, совсем еще юная девочка, говорила с ним почти на равных и даже здраво так, умно. У нее была речь совершенно взрослой женщины, не ребенка.

– Так вот, – продолжила Люн спокойно, – вы люди, конечно многое можете видеть, по-своему. Хотя, как многое, – не слишком. Ведь даже в простом, неживом спектре, вам доступна всего лишь малая его часть, процентов десять. Все же остальное вне этих пределов вы не видите. Хотя, конечно, вы и изобрели уже много всяких сложных приборов, чтобы регистрировать и инфракрасное излучение, и ультрафиолет, и прочие, еще более жесткие или мягкие виды волн. Но все это, повторюсь, излучение неживое. Живое же вы не видите совсем. Ну вот как тебе это объяснить, – Люн на секунду задумалась и посмотрела в окно. – Вот кошка, например. Вон она идет там у тебя по огороду. Вот если взять эту кошку и посадить неподвижно, то есть сделать так, чтобы она не двигалась совсем, а рядом посадить такую же кошку, но другую, не настоящую. Ведь вы даже и не сможете отличить одну кошку от другой. Или, например, еще дерево, что растет у тебя перед окном. Ведь если сделать такое же дерево, но искусственное, то вы не сможете отличить его также. У вас совершенно отсутствует непосредственное восприятие. У вас как бы живое наглухо запечатано в неживое и неживое вы только и видите.

– А-а, – протянул Антон задумчиво, прервав это, едва ли не научное повествование, – то есть мы, люди, не видим именно живое. Но, если так, то выходит, что живое это имеет какие-то свои, уникальные свойства, что-то, что позволяет отличать его от неживого.

– Конечно, – ответила Люн. – И я ведь не случайно сейчас заговорила о невидимых областях спектра. Потому что живое, так же как и те, невидимые волны, имеет свою волну. Правда, она совсем не похожа ни на ультрафиолет, ни на рентгеновское излучение, да и вообще ни на что. Поскольку в основе своей другая. Но если тот мир, в котором вы живете, можно представить в виде колеблющихся волн или мембран, то мир живой, также можно представить в виде еще одной такой мембраны, которая с неживыми мембранами иногда соприкасается. В такой вот момент как раз и рождаются люди. Поэтому вы есть не что иное, как простое соприкосновение этих двух мембран. И когда вы умираете, то мембраны эти расходятся и все. Неживое остается неживым, а живое живым. Однако, если в процессе жизни вы не тратите всю свою энергию, которая дается вам при рождении, а потом при жизни, то и после смерти, ваша, как вы ее называете «душа», все еще продолжает существовать в виде так и не распутанного энергетического сгустка. А поскольку энергия, как ты, наверное, сам знаешь, имеет вес, то такие души и притягиваются на Арон. Они там, правда, еще некоторое время могут видеть и ваше обыкновенное Солнце, и звезды, чувствовать холод и жар, не понимая при этом, что то место, куда они попали, уже само по себе есть звезда. Но потом, немного приблизившись к ее центру, они начинают чувствовать уже живое тепло и видеть живой свет. А дальше, – тут Люн как-то грустно вздохнула, – уж лучше я пока не буду тебе рассказывать.

– Ну хорошо, – наконец проговорил Антон, – пусть так. Допустим, что жизнь, это всего лишь некая, невидимая людьми мембрана...

– Очень упрощенно, – тут же поправила его Люн. – Это очень упрощенное представление, ну, чтобы понятней было. На самом же деле эта мембрана трехмерная и она везде. Она вокруг тебя, внутри, – там ее сгусток или плотно закрученный энергетический клубок. Он, правда, не круглый, конечно, а именно такой, как ты сам и есть, то есть с руками, ногами и головой, – девочка улыбнулась.

– Это я приблизительно понял, – продолжил все еще неуверенно рассуждать Антон. – Но вот ты сказала, что энергию эту, которая дается людям от рождения и поступает при жизни, можно еще и не потратить до конца. И тогда даже после смерти человек, то есть душа его так и остается в живом мире.

– Именно так. И эта душа, полная непотраченной энергии, так и блуждает по миру, если только не будет притянута гравитацией – а у живого тоже есть своя гравитация – к какому-нибудь более или менее крупному объекту. Звезде например. И там уже такая душа сгорает и обращается в свет. Который ты, кстати, и видел вчера пока я не помогла тебе.

– Да я и сейчас его вижу, – произнес Антон. – Но, конечно, уже не таким ярким. А те, значит, люди, которые, получается, израсходовали всю данную им энергию, не попадают на звезду? Они, выходит, исчезают сразу?

– Ну, не исчезают, конечно, а просто, как бы растворяются в живом пространстве, обретают покой и вечное забвение. И это счастье, уж поверь мне, по крайней мере по сравнению с тем, что испытывают души умерших, которые попали на Арон.

– Но почему же тогда не все люди расходуют свою энергию при жизни, и что это за энергия такая, кстати?

– Простая энергия ваших желаний и чувств. Чувства любви, например, или чувства долга. То есть именно того, что заставляет вас двигаться и что-либо делать. Страх, ненависть, привязанности, увлечения – все это и есть та самая энергия, которую людям так хочется потратить при жизни. А мешают им обычно другие люди. То есть общество. Или, бывает, обстоятельства всякие. Хотя, конечно, если у тебя желания хорошие и благоприятные для окружающих, то тебе и намного легче. Поэтому почти все хорошие люди обретают забвение после смерти. Плохим же все дается намного сложнее. Но ведь они не виноваты, что они плохие. И тем не менее, почти все их желания остаются при жизни не исполненными и они попадают на Арон.

– А если плохой человек, например, все же сможет реализовать все свои желания при жизни. Ему что, тоже будет даровано забвение? Как-то это неправильно, по-моему.

– Ой, кротик, – Люн усмехнулась, – не путай все. Если какой-нибудь вор или насильник сможет реализовать себя при жизни, он, конечно, обретет покой. Но, скорее всего, люди ему не позволят. И он попадет в тюрьму. А там уж какая реализация? Так он и будет там сидеть, мучаясь от несбывшихся желаний и надежд. А потом на Арон попадет. Хотя я, например, – тут Люн как-то грустно вздохнула, – считаю все это очень несправедливым. Ведь злодеи не виноваты, что они злодеи. И кроме того, – что есть добро, а что зло определяет само общество. А оттого зла в мире никак не меньше добра. Общество просто делит все на хорошее и плохое. Это почти как инерционная система. Если ты движешься вместе с ней, то ты сразу хороший, если же против – плохой. И все же, даже у злодеев есть шанс. А правильно это или нет, не нам с тобой судить.

– Спасибо Люн, – Антон даже встал из-за стола, чувствуя, что разговор, по всей видимости, заканчивается. – Ты очень доходчиво все объяснила и многое мне теперь стало понятней в нашей земной жизни. Одного я вот только не могу понять. Что же я то тогда такое. И почему я теперь, – он глянул на девочку, – вот даже хотя бы просто разговариваю с тобой?

– Признаться, я и сама этого не понимаю, – Люн вновь задумчиво посмотрела на Антона. – Но, надеюсь, что и этот вопрос мы с тобой разрешим. Ведь не один же ты такой во Вселенной. Где-нибудь наверняка что-то подобное уже происходило. Быть может на других звездах или в других планетарных системах.

– А что, есть и другие такие звезды? – Антон почему-то очень удивился подобной возможности, хотя она и явно проистекала из того, о чем говорила девочка.

– Конечно есть. И их много. Не меньше, чем ваших обычных, неживых звезд. Мир полон жизни и только вы, люди, этого не видите. Вы, конечно, эндемики, то есть обитаете только вокруг Арона. Но, неужели же вам никогда не казалось странным, что вы так и не смогли найти другой жизни в космосе. Ведь он такой большой, почти бесконечный.

– Да-а, казалось, – Антон опять сел. – Все это было как-то нелогично и необъяснимо. И как жаль, что я теперь один из всей человеческой цивилизации знаю правду. Я, конечно, могу и другим рассказать. Но кто мне поверит.

После этих слов Антон опять поднялся со стула и подошел к окну. Там он увидел свой мир: деревья, огород, забор. Облака, небо и Солнце. Но как же этот мир был теперь непохож на тот, что он знал когда-то и который, как ему казалось, понимал. Нет, он, конечно, ничего не понимал и даже не видел. «Кротик» – все время говорила ему Люн. Да, он был кротом. Слепым, несчастным и беспомощным. Как и все те миллиарды людей, живущих вокруг него на этой уютной, красивой, но такой одинокой и затерянной в бесконечном космосе неживой планете.

11. Безумец

– Так что же мне теперь делать? – спросил наконец Антон, после того как наверное минут десять молча смотрел в окно. – Ведь мне теперь совершенно невозможно жить как прежде. Как после всего того что было, я могу на людей смотреть? О чем мне сейчас думать, что говорить? Ведь не могу же я как и ты улететь отсюда на какой-нибудь доисторической зверюге и жить... – он обернулся и с тревогой посмотрел на девочку, – в космосе.

– Я не живу в космосе, – ответила на этот, не вполне ясно сформулированный вопрос Люн. – Я тоже живу на планете и даже почти рядом. То есть не слишком далеко, по крайней мере. В этой звездной системе, вы ее еще Солнечной называете. У нас, конечно, все совсем не так как на Земле, но многое похоже. Поэтому ты сильно не расстраивайся. Ведь при желании, вполне неплохо можно жить и здесь. К тому же ты теперь единственный по-настоящему зрячий человек на свете. Хотя, как мне кажется, ты этому совсем не рад.

– «Не рад», – чуть даже раздраженно повторил Антон, – конечно. Я никогда еще не чувствовал себя настолько одиноким. И это несмотря на то, что там, – он указал на окно, – полно людей. Но ни с одним из них, даже из самых близких, я не могу теперь всем поделиться. Какая уж тут радость. Ты вот сейчас вспорхнешь как бабочка и улетишь в свой мир. А я-то здесь останусь.

– Да погоди ты, кротик, не расстраивайся так, – попыталась успокоить его Люн. Ей на миг вдруг показалось, что этот, почти взрослый уже мужчина сейчас, наверное, заплачет. Да и было, признаться, от чего. – Я постараюсь очень часто прилетать к тебе и по возможности помогать. И кстати, – тут она сделала подчеркнуто серьезное лицо, – ты ведь тоже можешь мне помочь, и даже очень.

– Это чем же? – Антона последние слова девочки немного заинтересовали.

– А тем, что у тебя иммунитет к живому свету звезд, и ты легко можешь собирать для меня информацию, бывать везде, читать. Я то, несмотря на всю свою защиту, не могу здесь долго оставаться. Потому что тут ужасно жарко, да еще и свет такой, что...

– Да-да, ты говорила, – Антон стал проявлять нетерпение, – я помню. Но все же, что вообще могу я делать, чем помогать? Ведь я же обыкновенный человек и ничего особенного не умею.

– Ну, «не умеешь», – на этот раз повторила за ним уже Люн, – так я тебя научу. Да тут и просто все. Нужно только иногда ходить в музеи, посещать исследовательские центры. На раскопки ездить и в научные экспедиции. Все записывать. Ведь не случайно же я вчера нашла тебя. Ну, то есть случайно, конечно, но только лишь отчасти. Поскольку давно уже занимаюсь этой вашей Землей. И она меня очень интересует. Я много изучала вашу историю и то, что происходит сейчас. А будущее, – я совершенно уверена, что оно у вас все-таки есть. Хотя, признаться, и не знаю какое. Ты вот не знаешь, конечно, но из нас, из элов, вами кроме меня вообще больше никто не интересуется, считая всю вашу цивилизацию случайной, нелепой и абсолютно тупиковой ветвью эволюции. Все думают, что вы ни на что существенное не способны. Лишь на бесконечное копание в неживом и иногда, очень редко, на слабые интуитивные прозрения. Но я никогда не соглашалась с такими выводами и мне всегда было очень вас жаль. Ведь вы же такие бедные.

«Жаль, бедные, такими выводами», – Антон продолжал повторять про себя эти последние слова девочки. Действительно, он в очередной раз убеждался, что перед ним был вовсе не ребенок. Ну, то есть ребенок, конечно, но по каким-то иным, инопланетным меркам. С точки зрения простого современного человека эта Люн была вполне сформировавшейся личностью. Разносторонней, умной и развитой.

– Так сколько же тебе лет? – спросил он как-то неожиданно, причем, по всей видимости, и для себя самого.

Девочка аж вздрогнула. Она никак не ожидала от Антона такого резкого и прямого вопроса «в лоб». Но тут же быстро спохватилась и ответила:

– Триста.

И тут вздрогнул уже Антон. Нет, он, конечно, предполагал нечто подобное, но все же и не ожидал такого. «Триста, – повторил он про себя, задумавшись, – так это что же, когда же она, получается, родилась? Еще до Наполеона и Екатерины Второй? Задолго до отмены крепостного права? Боже мой, да я так с ума, наверное, скоро сойду». И эта мысль, преисполненная удивления и растерянности, так ясно отразилось на его лице, что даже Люн не выдержала.

– Ну что ты, кротик, не пугайся уж так, – она чуть прыснула, – ведь не настолько я и старая. Просто мы живем довольно долго, намного дольше вашего. Да к тому же мне еще и не триста в точности, а чуточку меньше.

Антон улыбнулся. «Вот уж велика разница, – подумал он, – триста или чуточку меньше». Хотя, как это ни странно, но последнее замечание девочки его почему-то успокоило. Он даже стал хотя и медленно, и словно все еще пребывая в задумчивой нерешительности, ходить по комнате, лишь иногда и искоса поглядывая на Люн.

– А мне вот двадцать шесть, – продолжил он рассуждать, фактически уже разговаривая сам с собой. – Но за последние два дня я, похоже, прибавил к своему возрасту примерно столько же. Ведь мало того, что вчера вечером я видел того, как его... темного человека... не помню точно. Потом был взрыв, невероятно мощный. Потом удар, полет, падение. Ты вот тоже еще появилась, но через какое-то время, – он мельком глянул на девочку. – Да в добавок ко всему, после того как к себе домой вернулся, и здесь тоже кое-что произошло. Ведь этой ночью я чуть было не помер тут со страха. И это прямо здесь, в своей постели. Да и сейчас, – он посмотрел по сторонам, – мне все еще слегка не по себе. Но вот не знаю, – он с сомнением поглядел на Люн, – даже не знаю, стоит ли тебе все это рассказывать.

Люн положила на стол кусок стекла, которым до сих пор легко поигрывала в руке и посмотрела на Антона. Она не понимала о чем он говорил. Однако его интонация да и сам голос, который отчего-то вдруг переменялся, ее немного рассмешили.

– Тебе приснилось что-то страшное? – произнесла она с улыбкой. – Ты знаешь, кротик, плохие сны у всех случаются. Поэтому переживать тут не о чем. К тому же, если я теперь, как ты примерно выразился, единственное близкое тебе живое существо, то может быть тебе и стоит рассказать мне все? Я, правда, не могу уже здесь долго оставаться, а значит и выслушивать тебя. Но все-таки попробую помочь. Ведь мы теперь с тобой почти друзья, как ты считаешь? – девочка тихонько засмеялась.

Но вот Антону было вовсе не до смеха. Поскольку он и сам уже засомневался в своих воспоминаниях. Конечно, он буквально жаждал рассказать ей все. И тем не менее, насмешливый настрой, да и само все поведение девочки отвадили его от этой мысли. Да и вообще, как мог он рассказать о том, чему и сам теперь почти не верил. Когда в его сознании привычная реальность и ночной кошмар почти перемешались. А так бывает лишь во снах.

– Нет, Люн, прости, я что-то не могу. Я вижу, что тебе все это интересно. Но, может, как-нибудь потом поговорим? Тем более, что все это скорее просто бред, чем что-то важное.

Но он уже не мог оставить все как есть, поскольку Люн из-за своей природной склонности, была весьма настойчивой. А значит шансов промолчать и удержаться у Антона просто не было. Сама же девочка решила проявить терпение и повела себя весьма по-умному:

– Как хочешь, – произнесла она спокойно, – тогда я улетаю. Ты только, знаешь, если уж вчера не сделал ничего, то хоть сегодня выясни, как у кого дела. А я, когда потом к тебе наведаюсь, так ты мне все расскажешь. И если все же были пострадавшие, то полечи их. Ведь, помнишь, я тебе сказала, что ты можешь? Вот, дай мне свои руки.

Антон вытянул руки вперед. А девочка взяла их и поднесла к своим щекам.

– Очень хорошо, – произнесла она, – греют. Да ты и сам-то попробуй. Только смотри, когда лечить будешь, руки держи на некотором расстоянии от того места, где болит. А то обжечь можешь. У тебя теперь большая сила в руках есть. Почти такая же, как и у меня, да и вообще у всего живого. Ты теперь способен лечить ими и восстанавливать даже сильно поврежденные места. А все потому, что у тебя не только восприятие непосредственное, но и воздействие. Ты теперь можешь безо всяких посторонних предметов или других приспособлений, чем обычно люди пользуются, видеть других людей, причем самую их сущность и воздействовать на нее. И кстати, даже на сны. Поэтому, полечи их, кротик.

Антон поднес ладони к своим щекам. Да, действительно теплые, даже горячие. И что же, он способен теперь ими лечить и избавлять людей от кошмаров? Не верилось ему как-то. Нужно было как-нибудь попробовать при случае. Хотя, конечно, сама Люн вряд ли могла его обманывать. Ведь даже та, ужасная женщина этой ночью, которая пыталась его задушить, такая холодная и скользкая, тоже пострадала от его рук.

– Вон она прямо как к стенке отлетела, даже след остался. А я-то не так уж сильно ее и ударил. А она мало того, что неживая была, так все равно силу почувствовала. И тепло. А потом еще зажженной свечки испугалась, тоже горячей. И за шкаф платяной спряталась, а до этого по потолку ползала...

Антон посмотрел на Люн. Он и сам не заметил, как невольно разговорился вслух и случайно выболтал ей кое-что из того, что произошло сегодня ночью. Но ведь он так не хотел об этом говорить. Да, очень не хотел, но рассказал. Да еще и напугал ее едва ли не до полусмерти. Потому что девочка смотрела на него такими глазами, что у него у самого заныло сердце.

– Люн, прости, – попытался он все исправить, – ничего этого не было. Это я просто так, – мысли вслух. Не видел я эту женщину, не трогал ее. Да это все ночной кошмар. Она... да я... да ее вообще здесь не было.

Но девочка его уже не слушала. Она немного отодвинулась на стуле от стола и словно бы плотнее вжалась в его спинку. Лицо ее вдруг стало неподвижным и, несмотря на легкую флуоресцирующую прозрачность, побледнело. Нижняя губа ее слегка дрожала, а маленькая ручка невольно потянулась ближе к ней, как будто бы в отчаянной попытке сдержать крик. Так она и сидела около минуты, а затем неторопливо встала и приблизилась к окну. Антон сразу догадался, что Люн сейчас уйдет.

– Нет, – едва не закричал он, – нет, прошу, выслушай меня! Я не хотел тебя пугать всеми теми ужасами, что были этой ночью. Просто как-то само-собой вырвалось. Да ты, быть может, и не веришь, что эта женщина действительно тут была. Да ты глянь только. Вот, – он подбежал к кровати и разгладил простынь. – Вот, смотри, видишь следы грязные. А вон там, на стене, где она... та пропала, тоже след остался белый. И на потолке, наверное, тоже должны быть следы. Да и не было здесь ночью ничего. Люн, не уходи!

– Я столько лет искала того, кто увидит меня, – тихим и ровным голосом произнесла девочка даже не оборачиваясь. – Я просмотрела миллионы людей. Везде бывала, все видела. Изучила море записей о Земле и прослушала тысячи часов информационных курсов. Я верила, я всего лишь одна из всей нашей цивилизации верила, что вы все-таки что-то можете. Пусть даже не сейчас, пусть когда-нибудь потом. Но сможете. И видеть, и понимать. Я ждала. Я так долго ждала этого момента. Мечтала как о счастливом дне, что вы говорите со мной, видите меня и не отправляетесь как неразумные животные на эту бойню, на Арон. И вот, спустя почти сто лет я наконец нашла тебя. И ты мог видеть меня, и говорить со мной. Понимать все. И ты ведь совсем неплохой человек, Антон, – она неожиданно назвала его по имени, как будто бы знала, – добрый и умный. Ты умеешь слушать и понимать, воспринимать новое. А сейчас я потеряла тебя. Утратила навсегда, потому что ты безумен. И не спорь, и не говори ничего. Я просто не могу тебя больше ни видеть, ни слышать, – Люн по-прежнему говорила повернув-

шись лицом к окну. – Забудь обо мне, пожалуйста, а я... я тоже постараюсь. И не надо прощаний. Вы люди, похоже, и вправду должны по-настоящему сойти с ума, чтобы прозреть. Все, это конец, я ухожу.

После этих слов девочка плавно прошла сквозь стену комнаты, где было окно. Потом громко свистнула, и опять, как и в прошлый раз откуда-то с неба камнем спикировало вниз и приземлилось рядом с ней все то же крылатое чудище. Но на этот раз Люн не запрыгнула на него сразу. Она еще какое-то время стояла рядом с этим «птеродактилем» и гладила его по шее и спине. А затем залезла на него, поднялась в воздух и, не произнеся ни единого слова, неспешно скрылась где-то за далекими деревьями.

Антон же молча провожал ее взглядом. Доказывать ей что-то было бесполезно, он и сам это понимал. Ведь та ночная история действительно больше походила на бред сумасшедшего, чем на рассказ нормального человека. И Люн, наверное, правильно сделала, что вот так все порвала. Уж слишком тяжело это было для них обоих. А в таких случаях лучше резать сразу. Пусть это и больно, пусть по живому, но зато и не мучиться долго. А больно-то было. Так больно, что Антон, едва не скрючившись, как и в тот, прошлый раз, когда впервые увидел свет, медленно подошел к своей кровати и, плашмя рухнув на нее, тихо завыл. Так он лежал очень долго. Час, два, а может и дольше, он забыл тогда о времени. Это продолжалось до тех пор, пока абсолютную тишину его старого деревенского дома не разрезал резкий, дребезжащий и, как казалось, невероятно громкий звук. Кто-то звонил ему в дверь.

12. Опять на работу?

Антон с трудом поднялся и медленно, шаркая босыми ногами по полу, прошел к двери. Но еще выходя из кухни, он уже увидел через зашторенное тюлем окно терраски, что на асфальтовой дороге напротив его дома был припаркован чей-то автомобиль. Машина была новой, красивой и явно дорогой. «Интересно, – подумал про себя Антон, – кого это еще черт принес в такой день». После чего отомкнул входную дверь и в немом изумлении замер на месте как вкопанный. Перед ним стояла Наталья Сергеевна.

Женщина выглядела чудесно, особенно в лучах мягко подсвечивающего ее изящный силуэт послеполуденного солнца. Впрочем, секретарша шефа всегда отличалась довольно изысканным вкусом, хотя, возможно, и немного странным. Но сегодня Наталья Сергеевна постаралась действительно на славу. Длинное, почти в пол нежно-розовое платье в цветочек. Коричневая жилетка, сделанная из какого-то грубого, чуть ли не медвежьего меха, тонкий шифоновый шарфик и замшевые, на высокой тупоносой платформе фиолетовые туфли. Все это являлось весьма удачным дополнением естественной, хотя и не слишком утонченной ее красоты. Антон посмотрел на это чудо природы и, невольно улыбувшись, отошел немного назад, пропуская неожиданную посетительницу к себе в дом. Сам-то он был одет весьма прозаично: в светлые джинсовые брюки да в старую, сильно растянутую бледно-оранжевую футболку. Но Наталья Сергеевна ничего не сказала ему по поводу внешнего вида, а быстро и даже не разуваваясь прошла через кухню в коридор, а за ним и в большую комнату, где и уселась на тот самый стул, на котором еще совсем недавно сидела Люн. Она с интересом разглядывала это убогое холостяцкое жилище, в котором оказалась и все так же молчала. Антон заговорил первым:

– Здравствуйте Наталья Сергеевна, – произнес он с каким-то особенным трудом и чуть склонив вперед голову.

На это Наталья Сергеевна ничего ему не ответила, а только продолжила спокойно, видимо все еще не до конца свыкнувшись с обстановкой, осматриваться по сторонам. Наконец это ей явно надоело и она сосредоточенно посмотрела на Антона. А тот, немного растерявшись и словно даже и не зная куда себя деть, начал ходить по комнате, пытаясь хоть как-то прибраться или хотя бы распахать по углам разбросанные здесь и там вещи. Процесс уборки занял у него несколько минут, после чего он еще раз окинул комнату придирчивым взглядом и, ловко свернув в рулон свою многострадальную постель, уселся на кровати. Он был теперь вполне доволен полученным результатом, отчего даже немного попрыгал на месте. Пружины под ним слабо закрипели.

– Ну замечательно, – наконец проговорила Наталья Сергеевна, приветливо улыбувшись, – вот примерно так я все себе и представляла. – Однако тут она отчего-то погрузилась и посмотрела в окно. – И все же, Антон, – продолжила она с едва заметной укоризной в голосе, – я, конечно, все понимаю: что загородный дом там, деревня и прочее. Но, как же можно опускаться до такого, – она мельком посмотрела в дальний затененный конец коридора, где тоже что-то валялось. – Ведь здесь хорошо старикам жить, а не тебе, молодому парню. У тебя ведь тут даже, знаешь, запах какой-то... – она немного поводила носом словно принюхиваясь, – стариковский. Трухой пахнет, пылью и еще чем-то противным. Вещами старыми, наверно. Ну, и не стыдно тебе?

– Да тут как раз моя бабка и жила, – пытаясь хоть как-то оправдаться, ответил Антон. – А я все что-то с ремонтом никак не соберусь. Да и прибраться тоже лень. Что в старье-то прибраться? Тут если уж делать, так делать...

– А лучше ничего не делать, – закончила за него фразу Наталья Сергеевна. – Таким как ты и вправду, наверно, лучше ничего не делать. Валяться себе на диване целыми днями, а

потом еще на работе сидеть, тоже лодырничать. Работа-то ведь у тебя, так скажем, совсем не пыльная: наладил себе компьютеры и сиди, мух считай. А вот у других не так, – Наталья Сергеевна грустно вздохнула. – Но, впрочем, я не за этим к тебе ехала.

– А зачем? – Антон в последнее время действительно как-то уж слишком прямо стал задавать вопросы, без обиняков.

– А ты будто не знаешь?! Да у нас сегодня весь офис просто на ушах стоит. То, что у вас тут ночью произошло, ведь об этом теперь все только и пишут, и по телевизору говорят. Неужели же не видел?

– У меня света нет, – ответил на этот, второй уже подряд не слишком удобный вопрос Антон. – Вчера еще отключили. Ну, как только все произошло, так сразу и вырубил. Вода вот, правда, почему-то есть.

– Понятно тогда. А телефон что, тоже не работает? Я то тебе несколько раз сейчас звонила пока ехала. Меня шеф прислал. А ему еще утром из отдела кадров доложили: кто ты и откуда. А у нас ведь сам знаешь как: «Где такой-то, почему на работе нет? Ах, это он самый и есть? И еще живет там-то? Ну, Наталья Сергеевна, чешите тогда к нему, все равно нам послать больше некого». Так и приехала. И все же, – женщина грациозно потянулась, вытянув вперед обе руки и скрестив пальцы, – я даже рада, что меня послали. Так уж надоел наш офис. Да и как ты сам здесь живешь тоже давно хотела посмотреть.

– Да тут и смотреть-то не на что, – бросил через плечо Антон. Он уже все понял и поэтому пошел в другую комнату переодеваться. – Говорю же, как бабка померла, так я сразу сюда и переехал. Надоело, знаете, все время квартиру снимать, пусть даже и в Москве. А тут хоть и ехать далеко, но зато никто не беспокоит, сам себе хозяин.

– Хозяин, – повторила за ним Наталья Сергеевна многозначительно. – Впрочем, твое дело, живи как знаешь. Мне вот сказали тебя на работу доставить, я и доставлю, а остальное меня не касается. Мало ли кто как живет.

И все же посетительница Антона во время последней своей реплики еще раз и как-то уж слишком тоскливо посмотрела вокруг. Она, конечно, все понимала. И что этот парень живет один, и что ему нет никакого дела до всего этого бардака. И что хозяйку бы ему надо. А она как раз и согласилась бы стать такой хозяйкой. Вот только слишком далеко от Москвы он живет, да и дом плохой. Деревня. А она как-то не очень любила всю эту провинциальную жизнь, где все друг друга знают и всем до всего есть дело. В общем, не складывалось у нее. Опять не складывалось и уже в который раз.

– Все, Наталья Сергеевна, я готов, – отрапортовался Антон, выйдя из соседней комнаты. – Можем ехать.

И тем не менее, прежде чем уйти, он еще раз подошел к столу, на котором лежали подобранные им в поле куски стекла и взял один из них, чистый. Ведь именно его, похоже, и держала в своей маленькой детской ручке Люн до того момента, как он ее испугал. Ему показалось даже, что это стекло было еще немного теплым, отчего он, чтобы убедиться, поднес его к своей щеке. Наталья Сергеевна же, глядя на все эти странные его манипуляции, как-то неодобрительно фыркнула, прибавив что-то наподобие: «Фу, грязь какая». После чего прошла через коридор на кухню, а за ней и на терраску, из которой наконец вышла на улицу. Антон последовал за ней. Ему с одной стороны, конечно, вообще не хотелось сегодня никуда ехать, но с другой, он понимал, что вернуться хотя бы и отчасти к привычному укладу жизни, было бы для него сейчас очень полезно. «А то так и вправду можно с ума сойти», – подытожил он свои не вполне ясные умственные рассуждения.

Однако, оказавшись на улице, он вдруг остановился и невольно посмотрел по сторонам. То, что он там увидел, ну никак, то есть ни в малейшей степени не соотносилось с такой уместной и вполне разумной его идеей вернуться к нормальной человеческой жизни. Поскольку вокруг него творилось нечто невообразимое. Такое, что даже и описать-то это было сложно.

Яркие лучи, широкие и узкие, мощные и слабые от скрытой где-то на невероятной глубине звезды, вырывались разноцветными всполохами из-под земной поверхности. Лучи эти то прерывались, пропадая где-то на головокружительной высоте, то возникали снова. И хотя почти все они были не слишком четко выраженного цветового оттенка и не слепили совсем, но тем не менее безучастно смотреть на все это светопреставление было почти невозможно. Помимо этих лучей и так же из-под земли вырывались некие, как Антон тогда сразу догадался, протуберанцы. Они гигантскими полупрозрачными дугами медленно скользили то вверх, то вниз, словно бы перетекая из одного невидимого подземного сосуда в другой. Антон даже подставил руку под один такой поток. Отчего малая толика его, тонкой струйкой плавно отошла сначала в сторону, после чего закружилась неспешным изогнутым вихрем и наконец, словно бы нехотя, стекла куда-то под землю, вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.